

СПЕЦВЫПУСК

АВГУСТ/2018
УКРАИНА

СЕКРЕТЫ ПОЛИТИКИ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№8 (149)

В НОМЕРЕ:

ПЕРСОНА

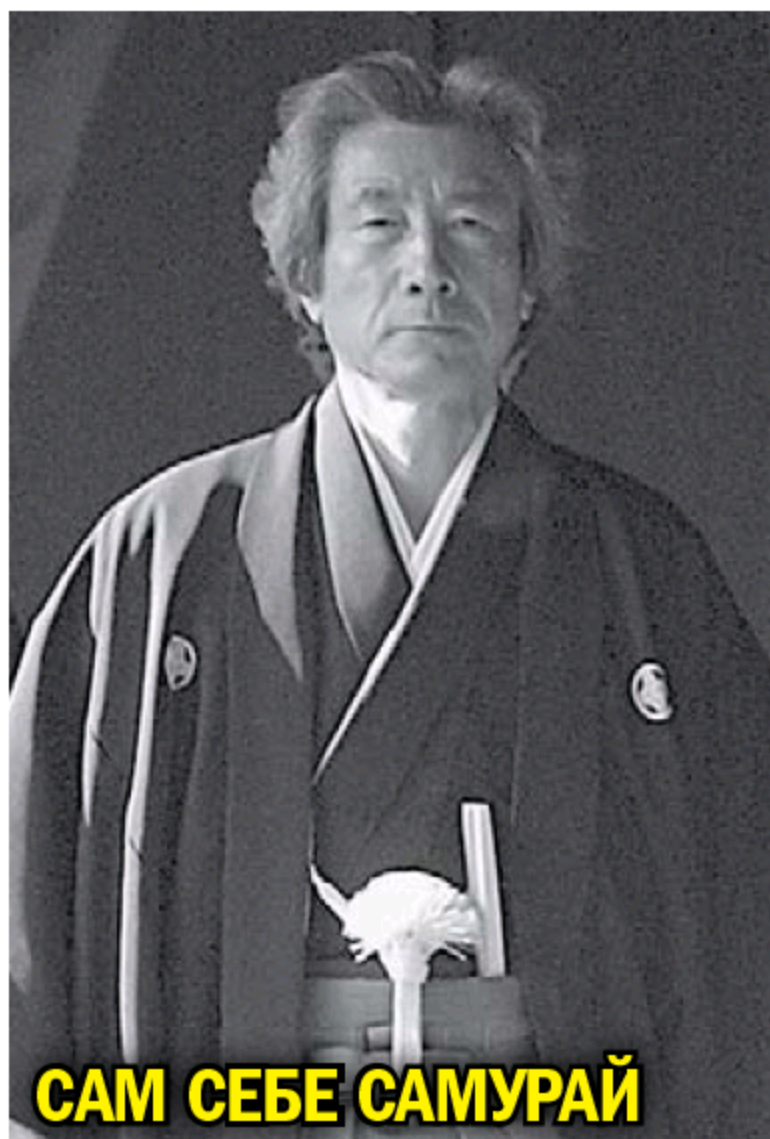
2

ОХОТА НА
ТЕРМИНАТОРА

СЕКРЕТЫ ПОЛИТИКИ

9

САМ СЕБЕ САМУРАЙ

СЕКРЕТЫ СПЕЦСЛУЖБ

18

КТО УБИЛ
ЯНА МАСАРИКА?

УБИТЬ

МАДО

I SSN 2070-884X

18008

9 772070 884002

Охота на Терминатора

Интересно возвращаться к информации, которая была напечатана в СМИ несколько лет назад. У нас есть возможность взглянуть на события тринадцатилетней давности. Это статья об израильской проблеме, которая не решена и по сей день. Давайте посмотрим, много ли изменилось и оправдались ли прогнозы автора.

Сергей СТРОКАНЬ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Операции по уничтожению двух лидеров экстремистской палестинской группировки «Хамас» — шейха Ахмеда Ясина и его преемника Абделя Азиза Эль Рантисси, — происшедшие весной 2004 года с интервалом всего в три недели, были похожи друг на друга как две капли воды. Ювелирно точные ракетные удары напоминали кару небесную. В первом случае они оставили мокрое место и колесо инвалидной коляски от полупарализованного духовного авторитета, десятилетиями призывавшего сбросить Израиль в море, во втором — искореженную белую «субару» и лужу крови от бывшего палестинского педиатра, давно переквалифицировавшегося в убийцу еврейских детей.

Израильские летчики не имели права на промах. Ведь в обоих случаях план отсека «головы» группировки «Хамас» от ее «туловища» разрабатывался и утверждался при личном участии самого опытного израильского генерала, премьер-министра страны Ариэля Шарона. Посвященный в мельчайшие детали операции, он сидел не одну ночь напролет, продумывая все до мелочей, чтобы не произошло осечки. И хотя экипажи вертолетов «Апачи» справились с задачей блестяще, главным героем событий был он, Шарон. Ведь именно он принимал труднейшее политическое решение и брал на себя всю ответственность за действия военных и их последствия перед своим народом и всем миром.

Когда был убит Ясин, Ариэль Шарон сделал все, чтобы придать этому убийству символический, если не ритуальный смысл. «Сегодня утром государство Израиль уничтожило главного инициатора палестинского террора. Идеологической концепцией этого человека было убийство евреев и уничтожение государства Израиль», — торжественно заявил премьер-министр. Он поздравил силовые структуры с победой и пообещал, что Израиль «продолжит войну с терроризмом там, где это будет необходимо».

«Вы не опасаетесь, что вас убьют так же, как Ахмеда Ясина?» — спросил журналист одного из арабских телеканалов у нового лидера «Хамаса», Абделя Азиза Эль Рантисси на следующий день после того, как тот был объявлен преемником шейха. «Всем нам суждено умереть. Одним от сердечного приступа, другим от ракеты, выпущенной израильским «Апачи». Я бы предпочел от ракеты», — не без бравады ответил новый глава «Хамаса», не предполагая, что такая смерть настигнет его очень скоро. На посту руководителя палестинской группировки он пробыл меньше месяца, до вечера субботы 17 апреля, когда поездка по городу Газа стала для него последней. И снова Шарон заявил то же самое, что и после ликвидации Ясина: «Уничтожение лидеров террористов будет продолжено».

Новый, третий по счету лидер «Хамаса» был избран через считанные часы после спецоперации в Газе. Однако на сей раз политбюро группировки предпочло сохранить его имя в тайне. Так что кто сегодня возглавляет «Хамас», широкой публике доподлинно не известно. Об этом можно лишь догадываться, вспоминая, кто из видных «хамасовцев» остался в живых. Пока остался. Трудно поверить, что имя нового главы «Хамаса» — секрет для израильских спецслужб, которые за десятилетия борьбы с террористами научились узнавать о них

буквально все. В израильской и арабской прессе тогда появились со ссылкой на «информированные источники» сообщения о том, что Ариэль Шарон утвердил «черный список» из еще 12 руководителей «Хамаса», подлежащих физическому уничтожению. В частности, в нем фигурировал председатель политбюро «Хамаса» Халид Машаль (весьма вероятно, что именно он и возглавляет группировку) и лидер военного крыла «Хамаса» в Газе Мухаммед Дейф.

Однако пока израильский Терминатор начинал большую охоту за палестинскими террористами, те, в свою очередь, открыли сезон охоты на него самого. После убийства шейха Ясина и Абделя Рантисси боевое крыло «Хамаса» объявило Ариэля Шарона «мишенью номер один». Поразительно, что смертельная игра в стрелков и мишени для 76-летнего Шарона продолжается уже более полувека.

1967 ГОД. БРИГАДНЫЙ ГЕНЕРАЛ ШАРОН НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ, РЯДОМ С ТОГДАШНИМ ПРЕМЬЕРОМ МЕНАХЕМОМ БЕГИНОМ

КРАСАВЧИК ИЗ МОШАВА

Его родители, носившие фамилию Шнайдерман (что в переводе с идиш означает «красавчик»), были выходцами из Российской империи. Отец, Шмуэль, родом из Бреста, а мать, Вера, — из-под Могилева. Они встретились и поженились в Тифлисе, а в 1922 году переехали на землю обетованную.

В ту пору никакого «Хамаса», с которым воевал Шарон, еще не было. Палестина была подмандатной территорией Великобритании. Желая заставить англичан поскорее убраться из этих мест и начать строительство собственного государства, к чему призывал идеолог сионизма Теодор Герцль, еврейские поселенцы сами устраивали теракты и создавали военизированные отряды. После того как 14 мая 1948 года Лондон заявил о своем отказе от мандата на управление Палестиной, еврейский Национальный конгресс провозгласил независимое государство. А уже на следующий день, 15 мая, семь арабских государств объявили новому государству войну.

Когда началась первая арабо-израильская война, Ариэлю Шарону было 20 лет. Выросший в мошаве Кфар-Малуль (мошав, как и кибуцы, — еврейские сельскохозяйственные коммуны), он видел, как родители от зари до зари работают в поле, и мечтал пойти по стопам отца и выучиться на агронома. Однако когда правительство объявило всеобщую мобилизацию в наспех формирующуюся израильскую армию, у него не осталось выбора. Голубую мечту детства — выращивать роскошные помидоры и клубнику в библейской пустыне пришлось забыть.

Он сразу оказался на передовой, и боевое крещение произошло быстро. В одном из самых тяжелых сражений той войны — разразившихся на подступах к Иерусалиму боях под Латруном — Ариэль Шарон был тяжело ранен и отправлен домой.

Между тем длившаяся полтора года война окончилась полным разгромом арабов. Молодое еврейское государство значительно расширило свою территорию. Конфликт вызвал массовое бегство палестинцев с захваченных территорий — число беженцев составило более 650 тысяч человек.

Залечив раны, Ариэль хотел было продолжить учебу, но по просьбе командования вернулся в армию. С тех пор его жизнь раз и навсегда стала одним большим сражением.

БЕЙ ПЕРВЫМ, АРИК!

Военная доктрина еврейского государства писалась с чистого листа, и молодой офицер горел желанием стать одним из ее авторов. Вскоре он доказал, что его амбиции отнюдь не беспочвенны. Сформированная им 101-я бригада применила новую тактику борьбы с бандитами-федаинов — палестинских экстремистов, которые после войны совершали нападения на Израиль с территории соседней Иордании. В основе военной доктрины Шарона лежал принцип уличной драки: чтобы победить, нужно ударить первым. Второй ее составляющей стал принцип неотвратимого возмездия, словно взятый из ветхозаветного «око за око». На любой теракт обязательно должен быть ответ. 101-я бригада стала регулярно переходить израильско-иорданскую границу и атаковать лагеря палестинских боевиков, не дожидаясь, когда нападут они сами. То есть, говоря современным языком, стала прибегать к тактике «превентивных ударов». Постепенно он снискал себе славу

грозы террористов. Гонялся за ними, как питуль за стаей бродячих собак, и, настигая жертву, перегрызал ей горло. Так, в 1971-м, уже дослужившись до генерала, он получил задание провести антитеррористическую спецоперацию в секторе Газа, оккупированном Израилем в 1967 году. В течение девяти месяцев он колесил по Газе на армейском джипе со списком ста наиболее опасных боевиков в кармане. И вернулся домой только после того, как все террористы были уничтожены.

Спустя еще 11 лет, в 1982 году, израильские войска вторгаются на территорию Ливана для проведения карательной операции против боевиков Организации освобождения Палестины. Операция получает кодовое название «Мир для Галилеи». Руководит ею все тот же Шарон, к тому времени достигший вершины военной карьеры: он стал министром обороны. Совершив дерзкий бросок, израильская армия доходит до самого Бейрута и изгоняет из Ливана палестинские отряды во главе с Ясиром Арафатом. Правда, та впечатляющая с точки зрения военной стратегии победа на десятилетия вперед была омрачена трагедией. В лагеря палестинских беженцев в Сабре и Шатиле ночью проникают вооруженные отряды союзников израильской армии, ливанских христиан, и устраивают кровавую резню. Ее жертвами становятся несколько тысяч человек. Палестинцы обвиняют во всем Шарона, утверждая, что он знал о готовящейся расправе, но не стал ее предотвращать. Мало того: фактически благословил бойню — дескать, что для еврея может быть лучше, чем когда одни арабы режут других.

Сегодня трудно сказать, в какой степени Шарон был виновен в событиях в Сабре и Шатиле. Но как бы то ни было, после Сабры и Шатилы в арабском мире за израильским премьером закрепилось прозвище Мясник. Ближневосточные карикатуристы стали изображать его в облике вурдалака, пьющего кровь палестинских жертв. Израильского Терминатора стал ненавидеть весь огромный арабский мир.

ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

Во время своих антитеррористических рейдов Ариэль Шарон решал локальные задачи по «уничтожению», «наказанию»

или «изгнанию». Однако ни в 1949-м, ни в 1971-м, ни в 1982-м, ни сегодня подобная тактика не обеспечила безопасность еврейского государства. Он отсекал одну голову гидре палестинского терроризма, а вместо нее вырастали две или три. На смену разгромленным группам боевиков приходили новые, более многочисленные и организованные. Создатели организации «Хамас»

были движимы идеей реванша за Сабру и Шатилу и другие преступления «сионистского врага». Еще одна экстремистская организация, «Хезбол-лах», действующая сегодня на территории Ливана, возникла вскоре после изгнания оттуда ООП. Военизированные подразделения «Хамаса» и «Хезболлах» в их сегодняшнем виде совсем не походят на феодалов дале-

ких 40-х. Это, по сути, небольшие, хорошо обученные и вооруженные армии. В продолжающейся не одно десятилетие войне с террористами Шарон явно не проиграл. Но и не победил.

Может быть, потому, что в Израиле сегодня по-прежнему взрывают кафе и автобусы и нападают на еврейские поселения в Газе и на Западном берегу Иордана, немало людей в стране считало, что фирменные шароновские зачистки и точечные удары способны вызвать лишь эффект бумеранга. Но вот что действительно объединяет израильских «левых» и «правых», «голубей» и «ястребов», так это признание вклада Шарона в победу еврейского оружия в трех войнах с арабами. В 1956-м, 1967-м и 1973-м бойцы под его командованием раз за разом разбивали сильнейшие на Ближнем Востоке армии — египетскую и сирийскую.

В 1956 году его парашютно-десантное соединение обеспечило решающий прорыв израильской армии на Синай. В ходе шестидневной войны 1967 года уже во главе танковой бригады он штурмует главный центр египетской обороны, Абу-Гейла. И, наконец, именно он спасает Израиль от поражения в войне 1973 года, известной как война Судного дня.

Победа в войне Судного дня стала высшим достижением Шарона-военачальника. События той осени, когда под вопрос было поставлено само существование еврейского государства, развивались стремительно. На рассвете 6 октября 1973 года, когда евреи отмечали Йом Киппур и явно не готовились к сражениям, египетские и сирийские войска вторглись на израильскую территорию. Уже в первые часы войны они легко взломали израильские защитные укрепления на берегу Суэцкого канала — так называемую линию Барлева.

В Израиле началась паника — арабы наступали, и, казалось, теперь их ничто не остановит. Один за другим израильские министры заговорили о капитуляции. И в этот момент, когда почти всем казалось, что война проиграна, Ариэль Шарон всего с семью танками из своей 143-й бронетанковой дивизии переправляется через Суэцкий канал и наносит противнику неожиданный контрудар, в результате которого израильские танки подходят к Каиру. Израильцам удается остановить наступление арабов, а затем и повергнуть их в бегство. Синай и Голанские высоты, которые пытались отбить нападавшие, остаются за Израилем.

Сегодня никто в Израиле не сомневается, что если бы не Шарон и его brave танкисты, этой победы не было бы. Прорыв Суэца в 73-м году, как и штурм Абу-Гейла на Синае в 67-м, изучают во всех военных академиях мира.

Признавая его дар военачальника, армейское руководство долго терпело его импульсивный, взрывной характер, категоричность, переходившую в безапелляционность. Он же всегда полагал, что советы могут давать многие, но решение должен принимать один человек. И если уж что-то для себя решал, переубедить его было невозможно. К примеру, он был единственным, кто яростно протестовал против строительства на Суэце оборонительной линии Барлева, считая это пустой затеей. Как показали дальнейшие события, Шарон оказался прав. Тем не менее недоброжелатели в армейском руководстве, выбрав удобный момент, отправили его в отставку.

Однако завершение военной карьеры не стало для него трагедией. Оно открыло Шарону путь в большую политику. С этого момента для него началась не менее захватывающая эпоха — эпоха политических битв.

МАСТЕР МИМИКИ И ЖЕСТА

После десятилетий военного строительства Шарон с не меньшим энтузиазмом берется за строительство партийное. Он создает правую партию «Ликуд», которая становится одной из двух наиболее влиятельных сил в израильской политике (второй была левая партия «Авода»), а затем и вовсе вытесняет «Аводу» на обочину политической жизни.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ШАРОН В СИНАЙСКОЙ ПУСТЫНЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1973 ГОДА

Ястреб на войне, он остается таким же ястребом в политике: выступает против мирных соглашений 1982 года с Египтом, с палестинцами (1993 год) и Иорданией (1994). А также строил Великую еврейскую стену — протянувшийся не на одну сотню километров высокий бетонный забор, отделяющий Израиль от Палестины. Наконец, план разведения с Палестиной, вызывает негодование арабов, но получает поддержку президента США Джорджа Буша, который умудрился усмотреть в этом плане шанс на достижение мира между евреями и арабами. «Мир должен сказать ему: «Спасибо тебе, Ариэль», — заявил американский президент, видимо, чувствуя в иерусалимском ястребе родственную душу.

Шарон осваивается в политике так же быстро, как на поле брани, причем в мирной жизни, как и на войне, он любит резкие, эффектные жесты и решения. Так, в сентябре 2000 года в ту пору еще не премьер, а лидер оппозиционного «Ликуда», одним своим жестом он переворачивает ход ближневосточной политики, как некогда — ход арабо-израильской войны. Вместе со своими соратниками Шарон совершает восхождение на иерусалимскую Храмовую гору, на которой, по преданию, стояло святилище, построенное библейским царем Соломоном. У подножия горы находится единственная из сохранившихся стен храма — знаменитая Стена плача.

Походом на Храмовую гору он перечеркивает многолетние попытки американской дипломатии помирить израильтян и палестинцев, которые уже начинали давать плоды, и вызывает палестинское восстание (интифаду), длящуюся и поныне. Однако при этом получает огромную поддержку в самом Израиле. В израильском обществе давно зрело глухое недовольство тем, что мир с арабами покупается слишком высокой ценой, — предшественник Шарона Эхуд Барак шел на уступки палестинцам, которые многие считали неоправданными. По мирному плану Храмовая гора, где находится главная иудейская святыня, должна была отойти Палестине. Тем самым принцип «единого и неделимого Иерусалима», на котором стояло и стоит еврейское государство, прекращал существование.

И вот своим жестом Шарон словно заявил палестинцам: «Руки прочь от Храмовой горы. Забудьте о ней навсегда». После чего победа на выборах была у него в кармане. Израильтяне почувствовали в нем нового лидера военного времени и в 2001 году отдали за него свои голоса. «Арик Мелех Израэль» («Арик — царь Израиля»), — восторженно вопили подростки на улицах Иерусалима и Тель-Авива.

Броские жесты становятся неотъемлемым атрибутом его имиджа. Один из них — демонстративное нежелание подавать руку Ясиру Арафату (израильский премьер не сделал этого ни разу). В общем, Шарон доказал, что в политических сражениях он тот же Терминатор, что и на войне.

ШАРОН СКАНДАЛЬНЫЙ

Казалось, репутация самого знаменитого солдата и самого решительного политика должна была стать для Ариэля Шарона тем бронезином, который навсегда сделает его неуязвимым для стрел оппонентов. Увы, известная формула «победителей не судят» в Израиле не работает. Более того, чем дальше, тем чаще Терминатор Шарон ощущал себя живой мишенью. На заре его молодости у него был только один враг — федаины. Позднее армия его врагов — явных и тайных — велика и многолика. Все больше их становилось в самом Израиле. Тема «Шарон скандальный» становилась куда популярнее темы «Шарон героический».

Один из скандалов, в котором, помимо самого Шарона, фигурирует его сын Гилад, связан с именем израильского бизнесмена Давида Аппеля. В один из осенних дней вся страна была несказанно удивлена, узнав из утренних газет, что накануне в дом к первому лицу государства нагрянула бригада следователей во главе с начальником отдела по борьбе с коррупцией Мири Голаном.

История берет свое начало в 1998 году, когда строителю подрядчику Давиду Аппелю, решившему попробовать силы на ниве туристического бизнеса, приглянулся греческий остров Патрокло в Эгейском море. В декабре 1998-го Давид Аппель начал переговоры с греческим хозяином острова, однако достаточно быстро они зашли в тупик. Как выяснилось, остров имел статус заповедника, охраняемого законом, и любое строительство здесь было запрещено. Аппель понял, что предстоит либо отказаться от заманчивой идеи, либо каким-то образом договариваться с греческими властями.

Вскоре выход был найден. В Израиль приехала греческая правительственная делегация, в состав которой входил высокопоставленный чиновник греческого МИДа Янус Кранидиотис. Давид Аппель, подключившийся к организации визита по линии партии «Авода», обратился к тогдашнему главе МИДа Ариэлю Шарону с просьбой разрешить его партнеру Норману Школьнику участвовать в официальных встречах с греками. Разрешение было получено. Затем Аппель устроил обед в честь представителя греческого МИДа, на который были приглашены Ариэль Шарон и его сын Гилад. А уже на следующее утро в одном из отелей Тель-Авива

1998 ГОД. ШАРОН ОБСУЖДАЕТ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАРЕМ США МАДЛЕН ОЛБРАЙТ

греческий дипломат был ознакомлен с деталями грандиозного проекта.

Параллельно с этим к обработке греческой стороны подключился давний друг Ариэля Шарона, тогдашний мэр Иерусалима Эхуд Ольмерт, в настоящее время — министр промышленности, торговли и связи. На сей раз лоббистом израильского проекта в Греции должен был стать мэр Афин. По просьбе Аппеля Эхуд Ольмерт пригласил его к себе в гости и посвятил в планы строительства нового курорта.

Грекам идея понравилась, они обещали все уладить. Казалось, дело пошло, и в благодарность Шарону-старшему за содействие Аппель назначил его сына Гилада своим высокооплачиваемым советником. По признанию самого Гилада, его непыльная работа заключалась в поиске информации в интернете, за что он получал 10 тысяч долларов в месяц.

Однако амбициозный проект так и не удалось реализовать. Греческий дипломат погиб в автокатастрофе, и израильская команда утратила незаменимого лоббиста. Не оправдались и расчеты на афинского мэра. В обвинительном заключении против Давида Аппеля, выданном израильской генпрокуратурой, говорится, что израильский премьер был в курсе того, что его сын хорошо зарабатывает в качестве «менеджера по маркетингу» в компании Аппеля. В общей сложности Шарону-младшему было выплачено свыше 100 тысяч долларов. А

если бы проект на греческом острове Патрокло удался, заработок Гилада Шарона превысил бы три миллиона.

Аппель продолжал платить Гиладу Шарону, даже когда тот уже не работал у него. Кроме того, около 600 тысяч долларов было переведено на развитие принадлежащей семейству Шаронов животноводческой фермы «Шикмим».

Следствие пришло к выводу, что сотрудничество Давида Аппеля с Ариэлем Шароном не ограничивалось греческим проектом. Строительный подрядчик превратился в ключевую фигуру избирательного штаба партии «Ликуд» в 1999 году. Он пообещал ее тогдашнему лидеру и будущему израильскому премьеру Шарону создать на свои средства предвыборный штаб из 40 человек для нейтрализации его политических противников. Израильские следователи расценили это предложение как взятку. Однако сложнее доказать, что тот, кто был ее получателем, — глава израильского кабинета — осознал, что ему дают взятку.

Помимо «дела Аппеля», Шарона обвиняли в том, что он был лично замешан в незаконном сборе зарубежных пожертвований на свою кампанию в 1999 году. Тогда он получил крупную сумму от неких иностранных нефтяных компаний, после чего главный государственный контролер Израиля потребовал от Шарона вернуть компаниям пожертвованные деньги. В октябре 2001 года часть суммы была возвращена. Чтобы вернуть оставшуюся часть, сыновья Шарона Гилад и Омри обратились за помощью к южноафриканскому миллионеру Сирилу Керну, с которым Шарон дружил еще с войны за независимость Израиля (в 1948 году Керн воевал под началом Шарона).

Давний друг выручил премьера, переведя ему полтора миллиона долларов, о чем стало известно израильским правоохранительным органам. В связи с этим более года назад генпрокурор Израиля Эльяким Рубинштейн направил в министерство юстиции ЮАР запрос об оказании помощи в расследовании этого «пожертвования».

В ходе допросов сыновей Шарона те утверждали, что их отец не имел никакого отношения к механизмам финансирования, не был посвящен в детали и не мог нести никакой ответственности за нарушения, если они и были допущены. Скандал медленно затухал, однако недавно ситуацию взорвали неожиданные откровения бывшего ближайшего друга и советника премьера Давида Спектора. Оказывается, в 1999 году Спектор записал свой разговор с Шароном, где они обсуждают детали перевода пожертвований на шароновскую кампанию из-за рубежа.

ЗА КОГО ПРОГОЛОСУЕТ ЕВРЕЙСКОЕ СЕРДЦЕ?

Кольцо вокруг Шарона сжимается. Его противостояние с генпрокуратурой стало едва ли не главным сюжетом израильской политики. И тем не менее сам Шарон

1975 ГОД. АРИЭЛЬ ШАРОН — СПЕЦИАЛЬНЫЙ СОВЕТНИК ПРЕМЬЕРА ИЦХАКА РАБИНА (В ЦЕНТРЕ) ПО ВОПРОСАМ БЕЗОПАСНОСТИ

внешне сохраняет абсолютное спокойствие и дает понять, что у него есть дела поважнее, чем какое-то дело Давида Аппеля.

Однако и здесь, в «делах поважнее», его подстерегали неудачи. Ударом для Шарона стал провал его плана одностороннего размежевания Израиля с Палестинской автономией. По его замыслу, Израиль был должен уйти из сектора Газа, выведя оттуда еврейские поселения, но при этом сохранить свое присутствие в другой части Палестины — на Западном берегу реки Иордан.

На состоявшемся референдуме партии «Ликуд» соратники не поддержали Шарона. «Для противников моей программы это тактическая победа, а для государства Израиль — стратегическое поражение», — со свойственной ему категоричностью заявил Шарон однопартийцам. Между тем, принимая решение о проведении референдума, Шарон был уверен в успехе. О том же говорили и все опросы общественного мнения. После того как план был поддержан президентом США и один за другим уничтожены лидеры «Хамаса», казалось, что популярность и политическое влияние Ариэля Шарона достигли пика.

Почему же он проиграл? Решающую роль сыграла беспрецедентная по размаху пропагандистская кампания поселенцев и национально-религиозного лагеря, призывавших любой ценой сорвать эвакуацию поселений из сектора Газа. Противники плана говорили, что уход из Газы будет воспринят палестинцами как победа террора и стимулирует новые теракты. Агитаторы методично обходили квартиры членов «Ликуда», убеждая их не выгонять из домов 8 тысяч еврейских жителей сектора Газа и не предавать идеологию «Ликуда», который на протяжении десятков лет был главной партией поселенческого движения.

Последний удар по плану Шарона был нанесен утром, в день голосования. Палестинские боевики обстреляли несколько машин, которые двигались по трассе, ведущей в крупный район еврейских поселений Гуш-Катиф в южной части

ГИЛАД ШАРОН – СЫН ЗНАМЕНИТОГО ПОЛИТИКА

сектора Газа. Погибли беременная женщина и четверо ее дочерей. Телезрители в тот день увидели изрешеченную пулями машину, залитый кровью салон и валявшуюся на земле детскую книжку с медведем на обложке. 34-летняя Тали Хатуэль была активисткой поселенческого движения, и на ее машине висел лозунг: «Еврейское сердце голосует против».

Поражение на референдуме заметно подорвало позиции премьера. Но, несмотря на то что израильские аналитики все чаще называли его «хромой уткой», сам он себя таковой не считает. «Я действительно хромоу, — ответил премьер в интервью одному из израильских телеканалов, — но только потому, что был тяжело ранен в бою за Латрун».

18 декабря 2005 года Ариэль Шарон был доставлен в иерусалимскую больницу «Хадасса», где был поставлен диагноз — микроинсульт. Через два дня Шарон был выписан и вернулся к работе. На 5 января 2006 года была назначена операция шунтирования. Однако уже 4 января он был вновь госпитализирован в больницу «Хадасса», на этот раз с обширным инсультом. После семичасовой операции по остановке кровотечения и дренажу Шарон был переведен в реанимацию. С этого момента и вплоть до смерти Шарон пребывал в коме. По определению лечащего врача состояние оценивалось как тяжёлое, но стабильное.

1 января 2014 года резко ухудшилось состояние Шарона, которое ко 2 января перешло в критическое. В тот же день, по просьбе сыновей Шарона, медперсонал остановил проведение лечебных мероприятий, без отключения от аппарата по обеспечению жизнедеятельности. Ариэль Шарон умер 11 января 2014 года от сердечной недостаточности на 86 году жизни в медицинском центре имени Хаима Шибя (Рамат-Ган) в окружении родственников. После официальной церемонии прощания в здании Кнессета, 13 января Шарон был похоронен рядом со своей женой Лили на семейной ферме «Шикмим» в пустыне Негев.

**ПОЛІТИЧНІ, ЕКОНОМІЧНІ, ІСТОРІЧНІ РОЗСЛІДУВАННЯ,
МАТЕРІАЛИ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СПЕЦСЛУЖБ.
АНАЛІТИЧНИЙ ПІДХІД, СВОБОДА СУЖДЕНЬ, ІНФОРМАТИВНІСТЬ.**

ОФОРМИ ПЕРЕДПЛАТУ НА 2018 РІК

КОМПЛЕКТ:
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА» +
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -
УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК»

ИНДЕКС 49542
1 міс. - 19,60 грн.
3 міс. - 58,80 грн.

**«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -
УКРАИНА»**

ИНДЕКС 35257
1 міс. - 11,82 грн.
3 міс. - 35,46 грн.

**«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -
УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК»**

ИНДЕКС 49056
1 міс. - 9,81 грн.
3 міс. - 29,43 грн.

**«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -
УКРАИНА. ЛЬГОТНЫЙ»
(Для передплатників попереднього
періода та пенсіонерів)**

ИНДЕКС 37104
1 міс. - 10,12 грн.
3 міс. - 30,36 грн.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Ф. СП-1 | Міністерство транспорту та зв'язку України

АБОНЕМЕНТ

на газету

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

(індекс видання)

(найменування видання)

Кількість компл.

на 2018 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куди

(поштовий індекс)

(адреса)

Кому:

(прізвище, ініціали)

<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
ПВ	місце	літер

ДОСТАВКА КАРТКА-ДОРУЧЕННЯ

на газету

(індекс видання)

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

(найменування видання)

Вартість передплата

Кількість компл.

на 2018 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

поштовий

індекс

01001

код вулиці

буд. корп. кв.

місто

село

область

район

вулиця

прізвище, ініціали

Передплату можна оформити за тел. **(044) 207-97-25**, на сайті **makret.umh.ua**, або в будь-якому відділенні Укрпошти

Корона в воздухе

Гранд Испании и маркиз де Кастельвель родился в Мадриде в 1920 году. Его предки — прославленные герои испанской истории. Отец, военный, много лет был доверенным лицом короля Альфонсо XIII, деда короля Хуана Карлоса I.

Галина СИДОРОВА

Владимир ЧЕБОТАРЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

В гражданскую войну 1936 — 1939 гг. Вилальонга воевал против республиканцев. Эмигрировал из франкистской Испании в 1946 году, объяснив свое решение следующими словами: «Я могу жить среди тех, кого ненавижу, но не среди тех, кого презираю». За две из своих изданных в эмиграции книг был заочно приговорен к тринадцати и девяти годам тюрьмы. Вернулся в Испанию после объявленной по смерти Франко амнистии (июль 1976 г.).

Дон Хосе Луис де Вилальонга много лет был «золотым пером» французской журналистики. В качестве корреспондента журнала «Пари-матч» он интервьюировал Шарля де Голля, Индиру Ганди, Чарли Чаплина, Герберта фон Караяна, Брижит Бардо и многих других. Снялся в 77 фильмах, в том числе у Федерико Феллини, Луи Маля и Блейка Эдвардса. Автор многих киносценариев, книг и мемуаров, ставших бестселлерами.

Не царское это дело — давать интервью. Король Испании дон Хуан Карлос I обычно этого не практикует. Хотя в молодости, по его собственному признанию, допускал и большие «нарушения» — сбегал от охраны на мотоцикле, шокируя на светофорах подданных. Для нашего испанского коллеги, Хосе Луиса де Вилальонга, человека в своем роде уникального (о нем ниже), Его Величество сделал исключение. И появилась книга, выдержавшая 11 изданий на родине и переведенная на основные языки мира.

Книга «Король. Беседы с Королем Испании доном Хуаном Карлосом I» также вышла и на просторах бывшего СССР.

Мы не случайно выбрали для публикации именно этот отрывок. Слишком уж события испанской истории тридцатилетней давности перекликаются с потрясениями прошлых десятилетий. Перекликаются и вновь заставляют задуматься...

О чем ты хочешь говорить сегодня?

Тон открытый и доверительный. Король в прекрасном настроении.

<...> Я всегда замечаю, когда дон Хуан Карлос колеблется между желанием рассказать и необходимостью промолчать. Но его молчание порой красноречивее всяких слов. На многие мои вопросы, порой чересчур конкретные (особенно о событиях 23 февраля), он мне отвечал, и не раз: «Я не должен высказывать свое личное мнение по поводу тех событий, которым дал правовую оценку военный суд». Но я точно знаю (слухи просачиваются и сквозь стены королевского дворца), что когда король обозванивал по телефону всех командующих военными округами, одного за другим спрашивая, какова их позиция в отношении государственного переворота, они отвечали одно и то же: «Я в Вашем полном распоряжении, Ваше Величество». Это «в полном распоряжении» означало, что они совершенно откровенно говорили королю: «Если Вы поддерживаете действия Миланса¹ и Техеро², мы будем с Вашим Величеством. Но если Вы — против, мы поможем Вашему Величеству осадить этих людей». Этот решающий факт возвращает нас к вопросу, который задавали себе в ту ночь многие испанцы, ожидая появления Монарха на экранах своих телевизоров: а сам король, он за или против военных, поднявших мятеж?

ПРИНЦ ФЕЛИПЕ И ПРИНЦЕССА ЕЛЕНА С ОТЦОМ ВО ВРЕМЯ ВОЕННОГО ПАРАДА В МАДРИДЕ 12 ОКТЯБРЯ 2002 ГОДА

— Мне очень неприятно слышать, — замечает дон Хуан Карлос, — когда говорят, будто переворот Миланса и Техеро был «опереточным». «Опереточным» он стал лишь потому, что провалился. Но что было бы, если бы эти люди добились успеха? Возможно, мы с тобой не беседовали бы, как сейчас...

ЗАХВАТ ПАРЛАМЕНТА

...23 февраля 1981 года ровно в шесть часов двадцать минут вечера подполковник Антонио Техеро с пистолетом в руке во главе группы жандармов ворвался в зал заседания кортесов (испанский парламент. — Ред.) в тот момент, когда председатель палаты депутатов Ланделино Лавилья проводил поименное голосование по кандидатуре нового премьер-министра.

Техеро, действительно похожий на шута из оперетки, поднялся на три-четыре ступеньки трибуны и, оказавшись вровень с председателем Лавилья, закричал:

— На пол! Всем лечь на пол!

Генерал Гутьеррес Мельядо, физически невзрачный, интеллигентного вида, одним прыжком вскакивает с кресла и становится лицом к лицу с жандармами, которые направляют на него автоматы.

— Немедленно сложить оружие!

Техеро в ответ:

— Мы подчинимся только приказу самого генерала!

Гутьеррес Мельядо возмущенно заявляет: — Какого генерала?! Единственный генерал здесь я!

Техеро толкает Гутьерреса Мельядо <...> и снова кричит:

— Сказано, всем на пол!

Министры и депутаты подчиняются и прячутся на полу за своими депутатскими креслами. <...> Адольфо Суарес³ и Сантьяго Каррильо⁴ остаются сидеть на местах, решив умереть достойно.

Генерал Гутьеррес Мельядо стоит рядом с Адольфо Суаресом с выражением безгражданского презрения к жандармам на лице. Техеро через микрофоны объявляет, что подчиняется «приказам короля и генерала Миланса дель Боска, командующего Валенсийским военным округом», который контролируется его танками...

— Среди всех командующих военными округами, с которыми Вы говорили по телефону, не было ни одного, кто колебался бы между законностью и мятежом?

Дон Хуан Карлос отвечает без тени сомнения:

— Не может быть позиции «между законностью и мятежом»! Единственным, с кем у меня возникли проблемы, был сам генерал Миланс дель Боск, который взволнованно крикнул в трубку: «Ваше Величество, но я же делаю это ради спасения Монархии!»

— Спасения от кого?

— Я не стал спрашивать его об этом. Мы потеряли бы время в ненужных препирательствах.

— А можно было сомневаться в монархических чувствах Миланса дель Боска?

— Нет, ни в коем случае.

— То есть он действовал из лучших побуждений.

— Полагаю, что он стал жертвой изощренной кампании дезинформации, хотя, как известно, он никогда не принимал происходившие в Испании перемены.

Однако в целом армия вовсе не была настолько верной королю, как он думает или как старается представить. Миланс дель Боск — сын и внук военных, также заговорщиков, предававшихся этому делу не раз, — не единственный организатор мятежа. Перевороты — рутинное явление в истории Испании. С начала XIX века и до 1936 года государственные военные перевороты, мятежи и восстания были в порядке вещей. Генерал на

коне с саблей в руке врывался в государственное учреждение, брал власть на некоторое время, чтобы вскоре уступить ее другому генералу. Бывало, военные авантюры с треском проваливались. Но крайне редко их участники оказывались под дулами расстрельного взвода. Ни Миланс, ни Техеро также не ставили на кон свои жизни 23 февраля, потому что в Испании смертная казнь в 1978 году была отменена.

Дон Хуан Карлос прав, когда говорит, что ошибкой было бы считать это выступление «опереточным заговором» <...> Ведь в нем участвовали не одни военные. Гражданские политики правого толка — банкиры, крупные предприниматели и даже высшие иерархи церкви обеспечивали их деньгами и оказывали политическую поддержку <...> Эти люди готовы были покончить с демократией, которая, по их мнению, вручила власть тем, кого в 1939 году они победили. Если бы во главе государства не стоял дон Хуан Карлос, не исключено, что они свергли бы законное правительство. Но король оказался слишком серьезным препятствием на их пути. Некоторые из них даже считали, что для успеха государственного переворота против демократии необходимо сначала убрать с дороги короля. Отсюда до мысли ликвидировать его физически оставался один шаг.

РИСКОВАННАЯ ПРОФЕССИЯ

— Вы чувствовали в какой-нибудь момент опасность?.. Я хочу сказать, физическую опасность?

— То есть боялся ли покушения? Как сказать...

Дон Хуан Карлос задумывается, прежде чем ответить:

— Я никогда не думаю о смерти. Нельзя жить в страхе перед смертью. Особенно если речь идет о короле — это профессия не без риска...

— Но как можно не думать о смерти?

— Я не помню сейчас имени одного торе-ро, которого как-то спросили, не боится ли он выходить на арену? А он ответил: «Страх испугаться не позволяет мне бояться».

— А были когда-нибудь покушения на жизнь Вашего Величества?

— Гм... нет.

— Тем не менее я слышал, что однажды, кажется, подложили бомбу под трибуну, где Вы доложили были наводиться, принимая парад Вооруженных сил...

— А, да... в Ла-Корунье. Кажется, там прорыли какой-то туннель под эту трибуну, но... — Дон Хуан Карлос снова отмахивается, будто закликает дурные воспоминания. — Я никогда больше не слышал об этом деле... — говорит он абсолютно безразличным тоном.

— Вам кажется, что служба безопасности достаточно надежно охраняет Вас?

— Да, все выполняют свою работу очень хорошо <...> Я отдаю себе отчет, что есть сумасшедшие и фанатики, а ведь почти все террористы таковы. Лучше думать не о смерти, а о том, что тебя хранит судьба или твоя счастливая звезда. Однако нужно быть готовым в тот момент, когда всех охватывает паника, действовать точно и адекватно. Дон Альфонсо XIII⁵ спас себе жизнь, направив коня на того, кто пытался выстрелить в него из револьвера. Но бедный Маунтбеттен⁶ ничего не мог сделать против террористов из ИРА, которые с расстояния в несколько сот метров от его яхты нажали на кнопку и взорвали ее. Кеннеди убили в присутствии сотен агентов ФБР. Рейган едва не лишился жизни из-за какого-то психа, пожелавшего поразить воображение киноактрисы, в которую был влюблен. Люди из моей службы безопасности всегда больше обеспокоены моим присутствием на официальных церемониях, о которых объявляется за несколько месяцев, нежели охраной нас с королевой, когда мы, случается, сбегаем в какой-нибудь ресторанчик, где нас никто не ждет. Полагаю, лучший способ избежать покушения — действовать неожиданно, импровизировать (хотя в моем случае это сделать трудно). Большинство военных, ставших жертвами террористов ЭТА (экстремистская организация, выделившаяся из баскского националистического движения. — Ред.), погибли именно потому, что всегда передвигались по одному и тому же маршруту...

— Действительно, это облегчает действия террористов. Но Вашему Величеству иногда нравятся сбежать от своих охранников...

Дон Хуан Карлос распрямляется в кресле и хохочет.

23 февраля 1981 года. Полковник Техеро произносит речь перед «поверженными» депутатами в только что захваченном парламенте.

— Ах! Эти времена кончились! Знаешь, Хосе Луис, это было замечательно — промчаться по улицам Мадрида на мотоцикле в шлеме, чтобы тебя никто не узнал. Иногда я снимал шлем перед светом, и люди в машинах рядом со мной цепенели от неожиданности. Вот были времена!

Даю возможность королю предаться воспоминаниям, но как только улыбка сходит с его лица, говорю ему:

— Однако мы далеко ушли от нашей темы: военный переворот 23 февраля.

— Вовсе нет! Государственный переворот и был покушением, только совершенным против всей Испании. Однако испанцы поняли, что они столкнулись с угрозой новой гражданской войны. Еще до того, как я выступил по телевизору, мне позвонили из Рабочих комиссий (крупнейший испанский профсоюз. — Ред.) и сказали: «Мы сжигаем наши архивы и уходим в горы». Я им ответил: «Только не делайте этого! Я все держу под контролем!»

— И Вы действительно контролировали ситуацию?

— Да, потому что я переговорил с большинством командующих военными округами.

— И Вы несколько не сомневались в верности этих людей, которые говорили Вам: «Я в полном Вашем распоряжении, Ваше Величество»?

— Да, у меня не было причин не доверять им.

Но тон его не очень убедителен. Скорее, это тон человека, который не хочет ставить под сомнение верность тех, кто был более или менее лоялен. Урок, преподанный дону Хуану Карлосу некоторыми представителями его окружения в ночь с 23 на 24 февраля, оказался жестоким и не мог не поколебать его веру в людей.

ЗАГОВОРЩИКИ

Миланс дель Боск и генерал Армада⁷ были товарищами по оружию, но слишком разными, чтобы ценить друг друга и ощущать взаимопонимание. Общим у них была лишь военная форма, но один надевал ее, чтобы участвовать в маневрах в полевых условиях, а другой — чтобы направиться к себе в кабинет. Миланс был очень популярным генералом в армии, он — один из защитников крепости Алькасар в Толедо во время гражданской войны. Хотя он входил в число поклонников Франко, его ностальгия по временам франкизма не сказывалась на его преданности Монархии. Дон Хуан Карлос нередко высказывался с симпатией в его адрес.

Король знал, что Миланс затаил злобу против правительства Суареса, потому что тот не дал ему пост начальника Генерального штаба сухопутных войск. Милансу казалось, что с ним поступили несправедливо. Но все понимали, что Миланс — не слишком подходящая фигура для начальника Генерального штаба и еще менее — для министра обороны, о чем он тоже страстно мечтал. У него были все дипломы и все возможные награды. Чего ему не хватало, так это... ума. Иначе он никогда бы не связался с таким человеком, как Техеро, который ненавидел и Короля, и Монархию.

То, что задиристый Миланс взорвался, для дон Хуана Карлоса не было особой неожиданностью.

— Он столько раз говорил, что когда-нибудь выведет свои танки, что никого не удивило, когда он сделал это на улицах Валенсии. И тем не менее когда Миланс заявил мне, что решил меня «спасти», я обомлел.

— А предательство Армады Вас не удивило?

— А... Армада... Я уже сказал тебе, Хосе Луис, что мне не следует говорить о том, что уже получило оценку военного суда.

Король медленно поднимает голову и неподвижно смотрит на свои сцепленные руки.

План, разработанный Армадой, начал приобретать реальные черты, когда кризис

правительства Суареса стал для всех очевидным. Его партия напоминала корабль без руля и без ветрил. Суарес не мог остановить волну насилия террористов ЭТА, избравших мишенью военных. В армии поднимались недовольство и волнение. На Суареса нападали со всех сторон, и он уже не знал, к кому обратиться. Военные не простили ему легализации Коммунистической партии. Правые упрекали в том, что он стал первым премьер-министром, принявшим террориста Арафата и публично его обнявшим. Предприниматели вели против него нескончаемую войну на истощение. Банкиры решили больше не поддерживать человека, позволявшего себе хвастаться тем, что деньги для него не имеют значения. Церковь подняла тревогу, узнав о подготовке закона о разводе. Профсоюзы уже не верили обещаниям, поскольку они не выполнялись.

Король ничего не мог сделать против нараставшей в обществе враждебности к Суаресу. Но любая, даже завуалированная поддержка премьер-министра со стороны монарха могла бы поставить под сомнение саму роль короля как арбитра в обществе.

— Я встречался, — поясняет дон Хуан Карлос, — со многими высшими офицерами... внимательно выслушивал их и, когда мне казалось, что их аргументы слишком расходятся с реальностью, пытался, насколько мог, убедить их быть благоразумными. Я также пытался дать им ясно понять, что ни при каких обстоятельствах они не могут рассчитывать на меня в действиях, направленных против конституционного правительства, каким бы оно ни было. Такие действия, говорил я им, будут рассматриваться королем как направленные и против монархии.

Несмотря на твердую позицию дон Хуана Карлоса, генерал Армада решил, что, используя имя короля, можно будет поднять военных. И он начал исподволь плести паутину, куда и попали такие эмоциональные люди, как Миланс дель Боск. Поскольку все в армии знали о давних и тесных связях Армады с королевской семьей, никто из военных не ставил под сомнение его слова, когда тот доверительным тоном сообщал: «Король полагает, что...», «Король хотел бы...», «Король говорил мне...» и т. д.

29 января 1981 года в своем выступлении по телевидению Адольфо Суарес объявил о намерении подать в отставку. (Предварительно он долго беседовал с королем и предложил ему свою голову «на подносе». «Это единственный способ, — сказал он, — чтобы Ваше Величество избежали политического риска в приближаю-

щемся кризисе».) В обращении к испанцам он с горечью констатировал: «Я ухожу в отставку, потому что не хочу, чтобы демократическая система, которую мы так ждали, снова оказалась за скобками истории Испании». После падения Суареса генерал Армада лишь усилил свою активность.

— А как Вы узнали о том, что произошло в кортесах?

— От кого-то здесь, в доме, кто услышал новость по радио. Я как раз собирался сыграть партию в сквош, когда мне сообщили, что какие-то жандармы ворвались в зал заседания парламента. Я немедленно позвонил начальнику Генерального штаба сухопутных войск и спросил: «Что происходит в Мадриде?» «Именно сейчас мы пытаемся получить информацию, Ваше Величество. Но если Ваше Величество хочет поговорить с Армадой, он здесь, рядом». — «Дай мне его. Альфонсо, что там еще за история?» Армада ответил очень спокойно: «Сейчас возьму документы в кабинете и приеду в Сарсуэлу, чтобы лично доложить Вам, Ваше Величество».

ТЕЛЕФОННЫЙ ПОЕДИНОК

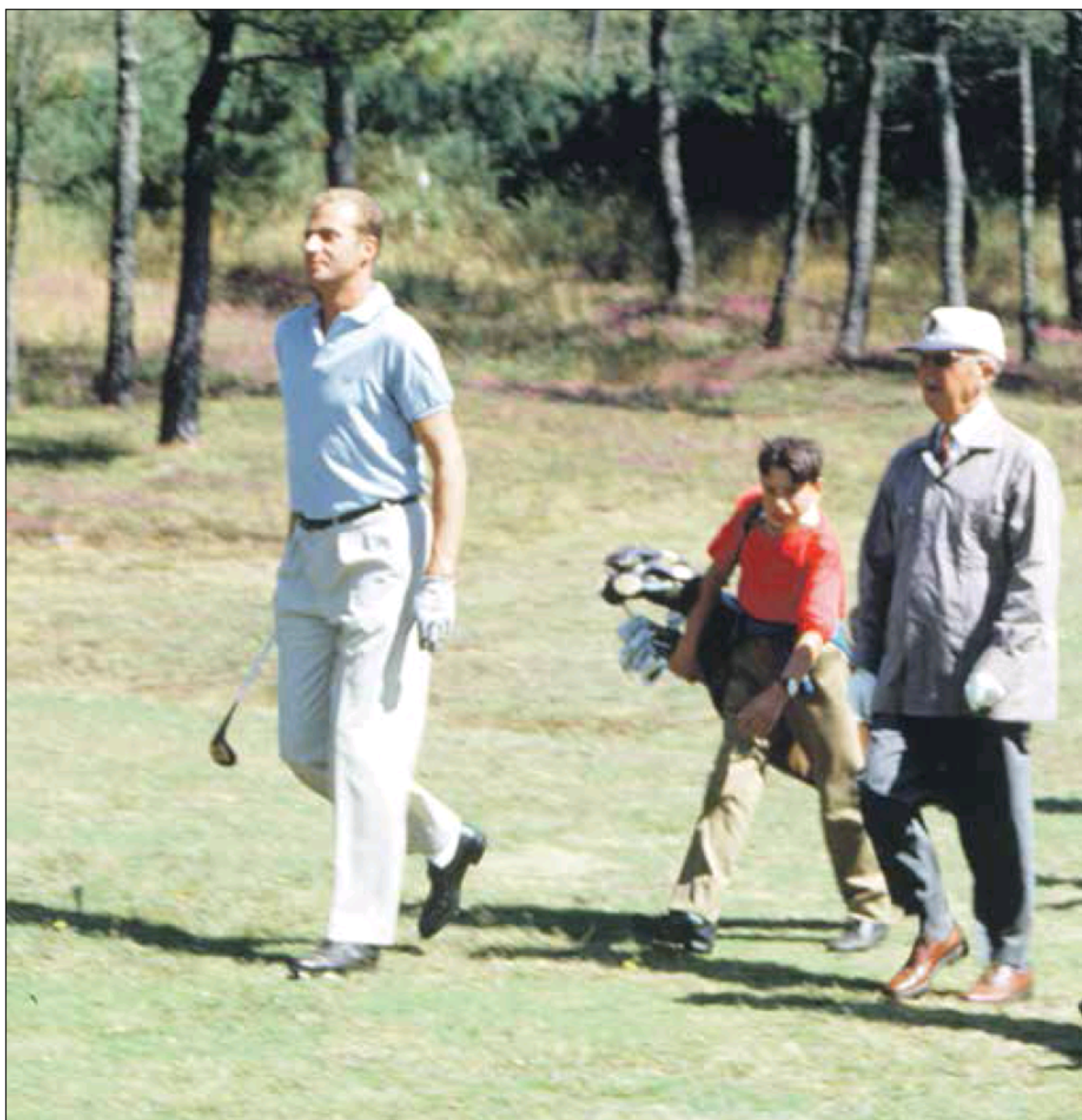
До этого момента все казалось нормальным. То, что Армада, второй человек в Генеральном штабе, предложил королю, что прибудет во дворец для доклада, было совершенно в порядке вещей. Но вдруг (казалось бы, без всякого к тому основания) король интуитивно почувствовал опасность, связанную с присутствием Армады в Сарсуэле (королевская резиденция. — Ред.). К тому же голос Армады — спокойный, даже индифферентный — говорил, что происшедшее в кортесах его не удивило. Именно этот голос насторожил короля. Он понял, что не должен принимать Альфонсо Армаду в Сарсуэле. Как раз в этот момент в кабинет вошел Сабино Фернандес Кампо и жестом попросил короля прикрыть телефонную трубку. Дон Хуан Карлос тут же догадался, о чем скажет Сабино Фернандес <...> Тот прошептал: «Речь идет об Армаде». Тогда король сказал в трубку своему собеседнику: «Альфонсо, подожди немного у телефона, мне принесли на подпись бумаги». И снова прикрыл трубку. Сабино опять тихим голосом сообщил: «Будьте осторожны, генерал Хусте только что сказал мне: «Передайте королю, чтобы он ничего не предпринимал, если Армада попытается связаться с ним. Пусть подождет моего звонка и ничего не говорит Армаде». Утвердительно кивнув, дон Хуан Карлос снова обратился к Армаде: «Альфонсо, прежде чем приезжать сюда, узнай, пожалуйста, во всех деталях, что произошло в кортесах. Сейчас я не могу тебя принять, но попытаюсь сделать это позднее». И повесил трубку, не дав тому времени на ответ. Сабино тут же отдал необходимые распоряжения, чтобы Армаду не пропустили во дворец. Как Сабино, так и король тотчас разгадали, какая плетется интрига. «Если Армада каким-то образом участвует в происходящем в кортесах, — сказал король Сабино, — логично, что он попытается приехать сюда и от моего имени установить контакты со всеми командующими военными округами под предлогом того, что избавит меня от неприятных разговоров. Но что это будет означать? Это будет означать, что король в курсе дел участников военного переворота и не мешает им».

<...> Король сам связался по телефону со всеми командующими округами.

Тем временем Техеро в кортесах разрешил министрам и депутатам встать с пола и занять свои места. Сам он занял место председателя палаты депутатов и оттуда через микрофон заявил, что действует «от имени короля и генерала Миланса дель Боска» и что все военные округа поддерживали выступление генерала.

Позднее, уже став премьер-министром, Фелипе Гонсалес признался, что в тот момент все они были уверены, что их убьют. Они слышали голоса пьяных жандармов. С самого начала событий, причем никто не отдавал себе в этом отчета, видеокамера снимала все происходившее в зале.

В Сарсуэле тем временем телефоны не умолкали. Шеф аппарата Королевского Дома маркиз де Мондехар, начальник Королевской Военной Охраны генерал

ОДНА ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПРОГУЛОК С ФРАНКО

Валенсуэла и генерал Сабино Фернандес Кампо едва успевали отвечать на телефонные звонки, поступавшие отовсюду.

<...> Король знал, что, как только появились первые сообщения о мятеже, испанцы закрылись в домах, с тревогой думая о том, как поступит Монарх. Он понимал, что пока не выступит публично, враги его будут распространять самые нелепые слухи. Его соратники пытаются (без всякого успеха) дозвониться в Прадо дель-Рей, где находится Испанское радио и телевидение (ИРТ). Соединяются с директором ИРТ и просят того немедленно прислать в Сарсуэлу телевизионную группу, чтобы записать обращение короля к нации. Директор ИРТ осторожно дает понять, что арестован в собственном кабинете, а здание захвачено отрядом из четырнадцатого полка Вильявисиоса, чьи казармы расположены неподалеку.

Как только удалось дозвониться до какого-то офицера в захваченном центре, король берет трубку и приказывает немедленно выслать телевизионную группу в Сарсуэлу.

Группа прибыла через полчаса. Было решено продублировать запись обращения короля к нации и копии вывезти разными путями, потому что никто не знал, что происходит вокруг дворца — окружен ли он войсками, перекрыты ли подъезды к нему. Королевская гвардия была готова к любому развитию событий, но она находилась внутри парка, где расположен дворец. Позднее стало известно, что в планы заговорщиков захват дворца не входил. Они даже не отрезали телефонные линии!

Между тем в министерстве обороны начальник штаба генерал Габейрас, красивый мужчина с внешностью офицера из бывших колоний, встречается в своем кабинете с генералом Армадой, уже зная, что тот участвует в заговоре. Дон Хуан Карлос попросил его не пускать Армаду в Сарсуэлу.

Техеро остается один в кортесах со своими жандармами. Все, кто его знает, опасаются, что он натворит что-нибудь непоправимое.

Находясь в курсе хитроумных игр Армады, Габейрас считает, тем не менее, возможным использовать его (а тот чувствует себя все более неуверенным), чтобы обезвредить эту бомбу с часовым механизмом. С этой целью Габейрас отдает Армаде приказ: «Идите в парламент, встретьтесь с Техеро и, если тот согласится сдать, предложите ему два самолета, на которых он и его люди могут вылететь в ту страну, которую выберут. Переговоры с Техеро на других условиях вы можете вести только от собственного лица, не ссылаясь при этом ни на короля, ни на Генеральный штаб. Так что решайте сами». После некоторого размышления Армада вновь обретает надежду и бросается в игру. Если ему хоть немного повезет, думает он, он сможет стать «человеком, спасшим ситуацию».

НОЧЬ ПРИЗНАНИЯ

Когда съемочная группа приезжает в Сарсуэлу, король одет уже в форму Верховного главнокомандующего. Дон Хуан Карлос готов взять на себя всю ответственность за судьбу страны. Если бы на свободе оставался хоть один министр правительства, король, согласно конституции, должен был бы выслушать его предложения. Но все члены правительства арестованы в здании парламента.

В ту ночь король до конца познал всю тяжесть груза принятия важного решения в одиночку.

Позднее нашлись люди, говорившие, что тогда он превысил права, предоставленные Конституцией. Однако в те полные драматизма часы король постарался scrupulously соблюсти демократическую законность.

Оказавшись перед телевизионными камерами, дон Хуан Карлос понимает: на карту поставлена не только Монархия, но и сама жизнь. Но он обладает легендарной храбростью Бурбонов и глубокой убежденностью, что его долг — быть королем всех без исключения испанцев. Он говорит спокойным, слегка приглушенным из-за волнения голосом, четко произнося каждое слово:

«Я обращаюсь ко всем испанцам с кратким словом в чрезвычайных обстоятель-

ствах, которые мы все переживаем, и прошу всех сохранять спокойствие и уверенность. Сообщаю вам, что всем генералам, командующим округами и войсками, флотом и авиацией в регионах и провинциях я приказал следующее.

В ситуации, созданной случившимся во дворце Конгресса, и во избежание неверного толкования подтверждаю, что приказал гражданским властям и Совету начальников Генерального штаба принять все необходимые меры для сохранения конституционного порядка в рамках существующей законности.

Любые действия военного характера должны быть одобрены Советом Генерального штаба. Монархия, символ единства и стабильности Родины, не может допустить какие-либо действия, направленные на то, чтобы путем насилия прервать демократический процесс, определенный Конституцией, за которую проголосовал испанский народ, одобрив ее в свое время на референдуме».

Услышав последние слова короля, вся Испания вздыхает с облегчением. Король — в отличие от того, что думали многие, — свободен при принятии решений на своем командном посту. Государственный переворот осужден. Ночь 23 февраля 1981 года стала для дон Хуана Карлоса, по одному удачному выражению, «ночью признания» <...>

Для миллионов испанцев дон Хуан Карлос перестал быть назначенным генералом Франко наследником «в качестве короля». Он стал настоящим Королем Испании <...>

Когда гаснут телекамеры, король снова звонит в Третий военный округ и, услышав на другом конце провода голос Миланса дель Боска, говорит ему со всей твердостью, на какую способен: «Приказываю тебе отменить все свои распоряжения, считаю их бунтовческими, требую вернуть войска в казармы, а также приказать Техеро сдать и покинуть здание кортесов. До этого времени я пытался убедить себя, что ты не являешься мятежником. Но с этого момента я вынужден считать тебя таковым. И иначе поступить уже не смогу...» Голос Миланса дрожит от волнения: «То, что я сделал, я сделал,

Ваше Величество, ради спасения монархии». Дон Хуан Карлос тут же отвечает: «Чтобы достичь твоих целей, тебе пришлось бы меня расстрелять», — и резко бросает трубку.

Сразу после этого необычайно напряженного диалога Милансу дель Боску посылают из Сарсуэлы телекс следующего содержания:

«I. Подтверждаю мое твердое решение сохранить конституционный порядок в рамках действующих законов; после получения этого обращения иного решения уже быть не может.

II. Никакой государственный переворот не может прикрываться именем Короля, он направлен против Короля.

III. Сегодня я в большей степени, чем когда-либо, готов выполнить присягу, данную перед знаменем, и делаю это особенно осознанно, думая исключительно об Испании; приказываю тебе вернуть в казармы все задействованные тобой войска.

IV. Приказываю тебе распорядиться о том, чтобы Техеро прекратил свои действия.

V. Клянусь, что я не отрекусь от трона и не покину Испанию. Те, кто поднимает мятеж, готовы развязать гражданскую войну и понесут за это наказание.

VI. Не сомневаюсь в любви моих генералов к Испании, прежде всего к Испании и потом к Монархии. Приказываю тебе выполнить все, что я сказал.

Миланс подчинился, хотя и не сразу. Перед лицом своих офицеров он пытался сохранить честь солдата, испытывая стыд за то, что должен покинуть людей, которые ему доверились. Наконец, в четыре утра он отдал приказ бронетанковым частям вернуться на место.

<...> Подлинная ошибка Миланса — его абсолютное непонимание личности короля. Ему казалось: достаточно предложить монархическое правительство, и королю оно понравится. Раз дон Хуан Карлос — военный, то (в понимании Миланса) он должен придерживаться тех же ценностей, что и сам Миланс.

Миланс и ему подобные никогда не понимали и не могли принять, что дон Хуан Карлос стал убежденным выразителем и исполнителем воли народа. Иными словами: не уяснили себе, что король

действительно демократ, уважающий Конституцию.

Я так и не решился передать королю сказанные позднее слова кавалерийского офицера, сына одного из заговорщиков: «В следующий раз надо будет начать с бомбардировки дворца Сарсуэла...»

ОТЕЦ И СЫН

— Правда ли, Ваше Величество, что Вы попросили дон Фелипе...

Король прерывает меня жестом, который уже не раз делал, чтобы остановить меня.

— Да, правда. Я велел принцу Астурийскому всю ночь быть со мной в кабинете, чтобы он видел, как исполняет свою службу король.

— А сколько ему было лет?

— Тринадцать. Идеальный возраст, чтобы начать учиться тому, чему в более старшем возрасте учиться уже поздно. «Папа, а что же будет?..» — спросил он меня в самом начале той ночи. У меня возник в голове образ футбольного мяча, который взлетел в воздух и неизвестно, на чью сторону поля упадет. «Видишь ли, Фелипе, с Коронай происходит то же самое. В этот момент она в воздухе, но я сделаю все возможное, чтобы она упала на нужную сторону». Несколько раз (ему ведь было только тринадцать, как я тебе сказал) бедный мальчик засыпал в кресле. Но я всякий раз заставлял его проснуться: «Фелипе, не спи! Смотри, что должен делать король!» В ту ночь Хосе Луис, принц Астурийский, научился многому.

Чуть позже приехали мои сестры Пилар и Маргарита со своими мужьями. Все они разместились в разных комнатах дворца. Я остался в своем кабинете вместе с сыном, с маркизом де Мондехар, с Сабино и помощниками, которые отвечали по телефону. Когда я разбудил Фелипе во второй или в третий раз, он спросонья прошептал: «Ой, ну и месяц выдался!» У него, бедняги, наступил очень трудный месяц из-за занятий, да еще эта Корона в воздухе, это уж было для него слишком! На следующий день дети спросили, должны ли они идти в школу. Я сказал им, что, поскольку все в порядке, нет никаких оснований пропускать занятия.

Через 48 часов Леопольдо Кальво Сотело заменил Суареса и возглавил правительство. Сессия парламента, посвященная его вступлению в должность, началась с овации в честь короля <...> Все министры, депутаты, служащие парламента, телефонисты, журналисты и газетные фотографы кричали: «Да здравствует король!» На местах коммунистической фракции все во главе с Сантьяго Каррильо приветствовали короля своим обычным жестом руки, сжатой в кулак. После 23 февраля многие «хуанкарлисты» стали просто монархистами. ■

Дон Хосе Луис де ВИЛАЛЬОНГА

Фото AP и из архива Королевского Дома Испании

КОРОЛЬ С ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ ХОСЕ-МАРИА АСНАРОМ

1) Хайме Миланс дель Боск — генерал, участник гражданской войны на стороне франкистов. За участие в попытке переворота 1981 г. приговорен к 30 годам тюрьмы. Вышел на свободу в 1990 году.

2) Антонио Техеро — подполковник жандармерии. За участие в попытке переворота 1981 г. приговорен к 30 годам тюрьмы. Вышел на свободу в 1996 году.

3) Адольфо Суарес — председатель испанского правительства с 1976 по 1981 г.

4) Сантьяго Каррильо — Генеральный секретарь Коммунистической партии Испании с 1960 по 1982 г.

5) Дон Альфонсо XIII — дед Короля Хуана Карлоса.

6) Лорд Маунтбеттен (1900 — 1975) — английский военный политик, вице-король и губернатор Индии, командующий британским флотом.

7) Альфонсо Армада — генерал, заместитель начальника Генерального штаба сухопутных войск во время событий 1981 года.

САМ СЕБЕ САМУРАЙ

Наводнив мир своими «ниссанами» и «тойотами», «сони» и «тамагучи», придумав способного плакать робота, «умные дома» и еще бог знает что, японцы наделили чувством гордости обладателя каждой вещи с маркой Made in Japan.

Сергей СТРОКАНЬ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

С толь же притягательной стала японская пища, оказавшаяся оптимальной диетой для тех, кто хочет наслаждаться жизнью и дожить до глубокой старости. Однако чего до недавних пор не знали в Стране восходящего солнца, так это «секрета производства» национальных лидеров, вызывающих такое же уважение, как японские товары и технологии.

Особенно явно дефицит политиков, способных управлять «локомотивом Азии», выявился на рубеже нынешнего и прошлого столетий. Предшественник Дзюньитиро Коидзуми Иосиро Мори, бывший бейсболист и ветеран Либерально-демократической партии, рейтинг популярности которого на излете его карьеры скатился до 6 процентов, был излюбленной мишенью журналистов, издевавшихся над этим добродушным, но абсолютно не подходившим для роли политлидера здоровяком. Бойкие перья называли Мори тупым животным и высказывались в том духе, что, дескать, его толстокожесть не пробить даже бейсбольной битой.

Злословие не было пустым. Иосиро Мори, которого функционеры Либерально-демократической партии на своей экстренном съезде избрали премьером после внезапной смерти премьер-министра Кейдзо Обути, допуская многочисленные ляпы и курьезные ошибки и чувствовал себя на капитанском мостике крайне неудобно. Да, в общем-то, и покойный Обути не был яркой личностью, при жизни снискав обидное прозвище «Господин «Остывшая пицца». Не смог достойно завершить свое премьерство и правивший до Обути Рютаро Хасимото, более известный в России как личный ельцинский «друг Рю». За 12 лет до прихода к власти Коидзуми сменилось 11 премьеров, то есть одного лидера стране хватало в среднем на год. И это при том, что премьерский мандат позволяет законно править целых четыре.

Что было причиной того, что в стране, где люди и вещи способны жить долго, лидеры оказывались столь недолговечны?

Сама система японской власти, несмотря на принадлежность Японии к ведущим демократиям мира, это весьма своеобразная демократия. Кандидат на пост премьер-министра Японии избирается обеими палатами Парламента. Затем император Японии назначает его на должность премьер-министра. Японская Конституция не предусматривает возможности отклонения императором предложенной кандидатуры. Если же Палата представителей и Палата советников изберут разных кандидатов, то должна состояться согласительная процедура. Но если эта процедура также не дает результата, решение Палаты представителей становится решением Парламента. Таким образом, на практике партия или коалиция, имеющая большинство в Палате представителей, всегда может продвинуть на пост премьер-министра своего кандидата. Одни и те же люди выбирают из своего круга нового лидера исключительно за его партийный стаж, связи, способность к аппаратным интригам или какие-то другие заслуги, известные лишь «узкой группе товарищей». Никакой харизмы здесь и не пахнет, более того, ее не может быть по определению. Общество отвечает на это стойкой политической апатией и абсолютным равнодушием к тому, кто будет править страной.

НЕСМОТЯ НА ПРОТЕСТЫ АЗИАТСКИХ СТРАН, КОИДЗУМИ РЕГУЛЯРНО ОДАЕТ ДАНЬ УВАЖЕНИЯ ЯПОНЦАМ, ПОГИБШИМ В ВОЙНАХ

Между тем к новому тысячелетию Япония подошла с целым ворохом проблем, среди которых потерявшая динамику экономика была главной, но далеко не единственной. Для их решения должна была появиться яркая, неординарная личность. Политик, способный вернуть миллионам японцев энтузиазм первых послевоенных десятилетий. Тот сумасшедший драйв и веру в японское величие, на которых, собственно, и выросло «японское чудо». В апреле 2001 года в роли такого лидера и предстал Дзюньитиро Коидзуми.

ДЗЮН-ТАН «ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ»

Он вполне мог стать еще одним «одноразовым премьером»: ведь он сделал такую же, как и его предшественники, скучную карьеру партийного босса. Дед и отец Коидзуми были видными функционерами ЛДП (без чего, собственно, его выдвижение на первые роли было бы невозможно). Однако он перехитрил выдвинувшую его в премьеры старую партийную гвардию. «Старики» были очарованы его молодостью (58 лет для политика по японским меркам — время отрочества, здесь считается, что для таких больших дел человек созревает годам к 70, а то и к 80) и не предполагали, что привели к

власти сокрушающего устои бунтаря, способного не пощадить собственную альма-матер.

Коидзуми понял, что нужно пробудить общество от спячки. Ситуация, когда политика остается уделом нескольких партийных функционеров, решающих судьбы страны в наглухо запертых прокуренных кабинетах или полумраке токийских баров, больше недопустима, провозгласил он, едва придя к власти. Но ведь японская конституция не предусматривает прямых всенародных выборов премьера, возражали ему соратники по партии. Тогда нужно изменить конституцию, отвечал Коидзуми. Ты замахнулся на святое, неужели не понимаешь, что рубишь сук, на котором сидишь? — пытались образумить «зарвавшегося мальчишку» старшие товарищи. Но безуспешно. Коидзуми уже оседлал своего коня. Его окрыляло то, что, увидев в нем лидера нового типа, массы безоглядно его поддерживали. Рейтинг нового премьера взлетел до заоблачных 70 процентов.

Лечить общество от политической фригидности Коидзуми стал по собственной методике, вежливо, но твердо отодвинув в сторону армию пиарщиков и имиджмейкеров. Провозгласив лозунг «политика в каждый дом», для каждодневного общения с согражданами он открыл в интернете собственный сайт, дав ему поэтическое назва-

ние «Львиное сердце». Возможно, он и впрямь воображал себя царем зверей, полагая, что его пышная, зачесанная назад шедевр для японских политиков) делает его похожим на льва. Эффект превзошел все ожидания. Только за первый месяц после открытия сайта его посетили более двух миллионов человек. Чтобы обрабатывать нарастающее число сообщений, ежедневно поступающих на имя премьера, штат электронного журнала пришлось неоднократно расширять.

Между тем Коидзуми всячески пытался сломать устойчивый образ премьера — облаченного в черный костюм, застегнутого на все пуговицы партийного функционера.

Это проявлялось во всем. К примеру, в одежде. «Когда я вижу мятые рукава его пиджака, я думаю, что так должен выглядеть человек, которому трудно живется, а не премьер-министр второй экономики мира», — злорадствовал известный японский дизайнер Йосиоки Кониси. Но Коидзуми это нисколько не смущало. В своем «неподобающем пиджаке» он сидел на заседаниях правительства в непринужденной позе, закинув ногу на ногу. Что для Японии — неслыханная дерзость.

Уже сам состав его кабинета заставил японцев открыть от изумления рты. В нем оказалось сразу пять женщин (это при том, что в японском обществе доминируют мужчины). Министром иностранных дел, к примеру, стала Макико Танака, дочь известного японского политика Какуэя Танаки, в 70-е годы занимавшего пост премьер-министра. Она тут же затеяла в своем ведомстве нештучную перестройку, бросившись крушить все направо и налево и наплевав на многие политические табу. За что немедленно получила прозвище «Коидзуми в юбке».

А сам Коидзуми тем временем продолжал выступать в роли законодателя новой политической моды. Выйдя на трибуну парламента, он заявил: «Я еще не знаю, кто осмелится встать на пути моих реформ, но предупреждаю — всякий, кто пойдет против кабинета Коидзуми, будет считаться бунтарем. Только попробуйте выступить против меня — не пощажу никого». Разве что башмаком по трибуне не стучал.

Каждая новая речь Коидзуми в парламенте на первых порах вызывала шум, хохот, крики, аплодисменты. Если в Британии, скажем, это вещь обычная, то в Японии — немыслимая. Неудивительно, что трансляции парламентских заседаний с его участием японцы стали смотреть более охотно, чем популярные сериалы или спортивные соревнования. Они были в восторге. Дзюньитиро Коидзуми ласково окрестили «Дзюн-тан» («Дзюнчик»). И это несмотря на то, что новый лидер, взявшийся врачевать Японию, предупредил соотечественников: «Я причиню вам боль, разрушу устои, на которых покоилось ваше существование. Будьте готовы».

С ОТКРЫТЫМ ЗАБРАЛОМ

Обещая «причинить боль», Коидзуми прежде всего имел в виду экономику. Провести реформы в этой области было неизмеримо сложнее, чем совершить революцию в политике. Однако иного пути у Страны восходящего солнца на стыке двух веков не оказалось.

Первые симптомы того, что не все в порядке в японском королевстве, проявились еще в начале 90-х. Именно тогда во всей своей неприглядности выявилась обратная сторона «японского чуда». Пожиженный наем, при котором лояльному одной компании работнику были гаран-

тированы устойчивый рост зарплаты и многочисленные социальные пособия, не служил стимулом работать как можно лучше. Система кадрового роста в зависимости от стажа, при которой, как в армии, по истечении определенного срока служащий мог рассчитывать на продвижение по службе, препятствовала выдвижению на руководящие посты молодых талантливых людей.

Молодежь взбунтовалась: долой уравниловку, не хотим жить и работать, как отцы и деды. Те пришли в ужас: Япония всегда была сильна своим коллективизмом, дисциплиной, социальной защищенностью; именно эти принципы помогли нам поднять страну из руин, неодобрительно качая головой, говорили представители старшего поколения. А эти сопляки, эти насмотревшиеся американских фильмов «новые японцы» только и могут, что красить волосы в зеленый цвет и торчать у игровых автоматов! Конфликт «отцов и детей» в совокупности с другими факторами имел не только социальные, но и экономические последствия. По мере роста неуверенности в будущем японцы стали меньше покупать и больше откладывать на черный день. Возникшее падение потребления немедленно ударило по производителям. Круг замкнулся. Япония вступила в полосу застоя.

Необходимо признать, что и предшественники Коидзуми предлагали планы экономической перестройки. И кое-что им даже удалось реализовать. Например, в 1998 году, при Рютаро Хасимото, Япония осуществила программу Big Bang («Большой взрыв»). Однако она не принесла радикального оздоровления второй экономики мира.

Как и в политике, в экономике Коидзуми решил действовать методом шоковой терапии. Определив свою программу как «созидательное разрушение», он решил резко сократить государственные расходы. То, что при этом под нож шла та же система льгот, Коидзуми не остановило. Я же предупреждал, что причину вам боль, напоминал он японцам.

Шаг за шагом жернова его реформ стали перемалывать неэффективный госсектор, где многие годы процветала коррупция, а бюджетные средства транжирились на осуществление бесперспективных проектов вроде строительства ненужных дорог и мостов (ненужных потому, что в отличие от России, Япония от нехватки дорог не страдает). Эти проекты высасывали из бюджета огромные средства и служили благодатной почвой для многочисленных злоупотреблений.

Попытка премьера сократить объемы общественных работ вызвала отчаянное сопротивление функционеров ЛДП и чиновников, получающих взятки от пред-

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЯПОНИИ МАКИКО ТАНАКА С ПОДАЧИ ПРЕМЬЕРА ЗАТЕЯЛА КОРЕННУЮ ПЕРЕСТРОЙКУ В СВОЕМ ВЕДОМСТВЕ, ЗА ЧТО И БЫЛА ПРОЗВАНА «КОИДЗУМИ В ЮБКЕ»

принимателей. Однако Коидзуми был неутомим — необходимо во что бы то ни стало разорвать порочный круг, сломать «железный треугольник» — коррумпированную спайку чиновников, политиков и бизнесменов. А когда в экономике все встанет на

место, микроклимат в обществе неизбежно очистится. После чего, глядишь, и традиционный для любого общества конфликт поколений, уже лишенный экономической подоплеки, перестанет быть столь острым.

ДОРОГА К ЗАПРЕТНОМУ ХРАМУ

Способность Дзюньитиро Коидзуми быть возмутителем спокойствия во всем, наплевав на общепринятые политические приличия, может быть, ярче всего проявилась в его отношении к посещению синтоистского храма Ясукуни. И это несмотря на то, что каждое такое посещение в глазах миллионов людей выглядит крамолой, раз за разом вызывая волну возмущения во многих странах азиатского мира — прежде всего, в Китае и Южной Корее.

Ведь до Коидзуми японские лидеры, в отличие от простых граждан, в храм Ясукуни предпочитали не ходить. Это совершенно особый храм. Японцы верят, что в храме Ясукуни, расположенном в центре Токио, рядом с императорским дворцом, обитают души погибших в сражениях за страну. Поэтому посещение храма лидерами страны, по договору о капитуляции от 2 сентября 1945 года лишенной права иметь свои вооруженные силы, всегда воспринималось соседями, пострадавшими от японской агрессии, да и многими японцами как попытка если не возрождения, то оправдания национализма и милитаризма.

Однако Коидзуми продемонстрировал, что ему наплевать на запреты, когда «речь идет о святом». В 1997 году, когда он еще был министром здравоохранения, стоя под сводами Ясукуни, он заявил, что своим процветанием японцы обязаны жертвам, которые принесли погибшие в войнах за свою страну. В год избрания его главой кабинета он демонстративно переступил порог храма 15 августа — в день поражения милитаристской Японии во Второй мировой войне. Без колебаний сделал это, хотя сотни голосов до самого последнего момента отчаянно зывали: не ходи в храм, не переступай красную черту. Но он переступил, после чего разразился международный скандал.

Говорят, его любимая книга — сборник писем японских студентов, погибших в годы войны, будучи пилотами-камикадзе. Судя по всему, именно они в глазах Коидзуми являются носителями столь близкого ему традиционного самурайского духа.

Почему, собственно, он так озабочен проблемой возрождения японского патриотизма? Он что, шовинист, националист? Вряд ли. Как и всякий разумный политик, он прежде всего прагматик. По мнению Коидзуми, именно патриотизм, подобно обезболивающему средству, поможет нации перенести хирургическую операцию под названием «структурные реформы». А без них, как не раз повторял премьер, нечего и мечтать о выходе Японии из экономического застоя и политической апатии.

ФИНИКИ ОТ БУША

Когда Дзюньитиро Коидзуми прилетел к Джорджу Бушу в Техас, американский президент, облаченный в джинсы, клетчатую рубашку и грубые фермерские ботинки, лично встретил гостя на вертолетной площадке своего ранчо в Кроуфорде. На белом внедорожнике хозяин долго катал японского премьера по поместью площадью 547 гектаров, а потом предложил поговорить без свидетелей под зонтиками у бассейна. Конфиденциальная беседа в присутствии переводчиков продолжалась два часа. Еще два часа заняли официальные переговоры в расширенном составе. А в промежутке состоялся дружеский ужин, меню которого, похоже, было составлено с намеком. Стейк из поджаренного мяса символизировал нечто походно-военное — в память о сотрудничестве в ходе недавней расправы над режимом Саддама Хусейна. Поданные к столу ближневосточные финики, наверное, могли служить аллегорией успеха этой операции и тех выгод, которые она должна была принести Вашингтону и Токио.

Президент Буш высоко оценил поддержку японским премьером войны в Ираке. Между тем премьер Коидзуми в очередной раз рисковал. Причем это был неизмеримо более рискованный шаг, чем поход в храм Ясукуни или объявление непопулярных, но неизбежных реформ. На сей раз, впервые за годы своего правления, Дзюньитиро Коидзуми открыто пошел против собственных избирателей, 80 процентов которых осуждали силовую акцию против Багдада.

ПРЕМЬЕР СКЛОНЯЕТСЯ ПЕРЕД ИМПЕРАТОРОМ В ДЕНЬ СВОЕГО НАЗНАЧЕНИЯ НА ВЫСОКИЙ ПОСТ

СТАРШИЙ СЫН ПРЕМЬЕРА, КОТАРО

Вступив в антисаддамовскую «коалицию воли», Коидзуми взял на себя смелость заявить, что «общественное мнение не всегда право», и стал разъяснять, почему надо занять сторону Вашингтона. Главный тезис Коидзуми никто в Японии опровергнуть не смог: глупо поносить американцев за действия против иракского диктатора и одновременно искать у США защиты от другого тирана — северокорейского лидера Ким Чен Ира, грозящего соседям баллистическими ракетами и ядерной бомбой.

Вначале Коидзуми выразил готовность направить солидные суммы в помощь новой администрации в Ираке. Затем заявил о намерении как можно скорее провести в Токио международную конференцию по вопросам восстановления экономики Ирака. Однако, судя по всему, в ходе конфиденциальной беседы на ранчо в Кроуфорде речь шла не только об этом: США просили дальневосточного союзника направить на Ближний Восток войска.

«Японские силы будут оказывать тыловую поддержку гуманитарным операциям и реконструкции Ирака», — не скрывая удовлетворения, заявил тогда президент Буш на пресс-конференции по окончании встречи в Кроуфорде. Сам японский пре-

мьер, правда, выражался более туманно, поскольку посылать войска за границу без санкции ООН законодательство страны не позволяло. В Японии было весьма сильно пацифистское лобби, и премьер не мог его игнорировать. Дипломатические источники, впрочем, уверяли, что в приватном разговоре на ранчо японский премьер пообещал американскому президенту внести в парламент проект законодательства, резко расширяющего полномочия Токио в использовании вооруженных сил за границей. Его принятие должно было стать важнейшим шагом в постепенном превращении Японии в «дальневосточную Британию», которая способна не только на словах поддерживать Вашингтон, но и принимать прямое участие в операциях по наведению порядка в различных районах мира. Источники не ошиблись, и вскоре японские военнослужащие прибыли в Ирак для осуществления гуманитарных миссий.

Еще одной темой обсуждения в Кроуфорде стала выработка общего подхода к Пхеньяну, не первый год грозящему выйти из режима нераспространения ядерного оружия и начать его производство. По данным тех же японских источников, беседуя в Кроуфорде, Буш и Коидзуми договорились продолжить диалог с КНДР, однако при этом решили прибегнуть к экономическим санкциям, если Ким Чен Ир пойдет на новые провокации.

ПАРТИЯ С КИМ ЧЕН ИРОМ

Между тем именно взаимоотношения с Ким Чен Иром, своими неожиданными поворотами напоминающие крутой детектив, стали главной интригой внешней политики Коидзуми. В этих взаимоотношениях в полной мере проявились личные качества премьера «Львиное сердце» — стремление к неординарному, хотя и противоречивым, рискованным решениям.

Напомним, что во время сенсационной встречи Коидзуми и Ким Чен Ира в Пхеньяне в сентябре 2002 года северокорейский лидер впервые признал факт похищений, имевших место в 70–80-е годы, принес Японии свои извинения и пообещал наказать похитителей (японцы были насильственно вывезены на север Кореи в 70–80-х годах прошлого века для работы в качестве инструкторов-неволь-

ников в разведшколах). Визит в Пхеньян выглядел большой дипломатической победой Коидзуми, первым из японских премьеров рискнувшего слетать к человеку, чье имя наводит ужас на миллионы его соотечественников. Самое главное, стороны договорились, что оставшиеся в живых японцы приедут в Японию на пару недель, затем вернутся в КНДР и через некоторое время уедут на родину окончательно — уже с семьями. Недели спустя пятеро похищенных ранее японцев прибыли в Токио, а еще через две они отказались возвращаться в КНДР, где остались их родные.

Ким Чен Ир пришел в ярость. Он решил наказать нарушителей договоренности и отказался выпустить из страны их родственников.

После чего началась игра нервов, показавшая, что Коидзуми может и не уступать Ким Чен Иру в смелости, но превзойти его в хитрости — вряд ли.

Стремясь довести историю с заложниками до победного конца, Коидзуми во второй раз полетел в Пхеньян.

Встреча с Ким Чен Иром продолжалась 90 минут — гораздо меньше, чем ожидалось. Северокорейский лидер, облаченный в обычный полувойсковой наряд цвета хаки, вел себя раскованно, улыбался, позируя перед репортерами, и долго не выпускал руку японского гостя. Для начала Ким Чен Ир заговорил на другую тему — подтвердил намерение соблюдать мораторий на запуски баллистических ракет. Коидзуми держался сурово, лацкан пиджака многозначительно украсил небольшим значком голубой эмалю — их носят в знак солидарности с похищенными японцами.

Ким Чен Ир заявил, что его гость получает полную свободу при решении судьбы оставшихся в КНДР родственников японцев. Казалось бы, уже это была победа Коидзуми. Однако все оказалось не так просто. Подвох вскрылся после того, как японскому премьеру предоставили возможность лично побеседовать с потенциальными репатриантами. В ходе беседы выяснилось, что муж одной из похищенных японок 64-летний гражданин США Роберт Дженкинс категорически отказывается уезжать из полюболюбившейся ему «страны чужие». Сорок лет назад этот американский сержант по своей воле перебежал в КНДР во время выполнения боевого задания в демилитаризованной зоне на

Корейском полуострове. Роберт Дженкинс затем охотно помогал пхеньянской пропаганде: играл в художественных фильмах шпионов ЦРУ и садистов из Пентагона. И теперь бывший сержант говорил, что в случае приезда в Японию может оказаться перед американским военным трибуналом. Сержанта Дженкинса не успокоило даже письменное обещание Коидзуми добиваться смягчения участи престарелого дезертира. Звезда северокорейского кино заявил, что остается в КНДР вместе с двумя дочерьми-полуяпонками. (И лишь вскоре незадачливый сержант все-таки «выбрал свободу»: воссоединился с женой на японской земле, несмотря на ожидающий его трибунал. — Ред.)

В итоге японский правительственный «боинг» доставил в Токио только пятерых детей похищенных: троих юношей и двух девушек в возрасте от 16 до 22 лет. Вопреки ожиданиям, их возвращение не стало для Коидзуми триумфом. Едва он вернулся домой, как его тут же обвинили в промахах и чрезмерных обещаниях. Многих в Японии возмутило, что Коидзуми обязался безвозмездно передать в КНДР 250 тысяч тонн продовольствия и на 10 миллионов долларов медикаментов. В прессе это открыто стали называть «выплатой выкупа».

Но самое большое негодование вызвало то, что Дзюньитиро Коидзуми не слишком давил на Ким Чен Ира по поводу выяснения судьбы тех похищенных, которых Пхеньян объявил умершими. Северокорейский лидер, как было сказано, согласился лишь «тщательно расследовать» эти случаи — без упоминания о каких-либо конкретных сроках. Многие в Японии недоумевали: чего, мол, расследовать, если в северокорейской разведке прекрасно знают, что случилось с этими людьми. Эксперты полагают, что по меньшей мере некоторые из объявленных умершими на самом деле по сей день томятся где-нибудь на тайных объектах спецслужб КНДР.

На встрече с родственниками похищенных по возвращении из Пхеньяна премьер выглядел растерянным. «Северная Корея одурачила японского премьера. Вы бросили наших детей. Нас предали. Говорить об успехах визита — лицемерие», — услышал он от рассерженных родственников. Под огнем этих обвинений Коидзуми был вынужден заявить, что «виноват и берет всю ответственность за случившееся на себя».

БЕЗ СЧАСТЬЯ В ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Сплошным парадоксом и вызовом устоям стала и личная жизнь Коидзуми, пикантные подробности которой время от времени становятся достоянием прессы. Как это часто бывает в Японии, Коидзуми женился не по любви — брак был организован родителями, причем посредником выступал не кто иной как сам тогдашний премьер Такэо Фукуда. Родителям казалось, что молодые подходят друг другу. Он — наследственный политик, она — внучка председателя крупной фармацевтической компании. На их свадьбе гуляли две с половиной тысячи человек, огромный свадебный торт был выполнен в виде здания японского парламента. Спустя четыре года брак распался. Коидзуми забрал двух сыновей жить с собой. Третий, на момент развода еще не родившийся мальчик, впоследствии остался с матерью.

Сегодня бывшая жена получает от Коидзуми одну открытку в год — новогоднее поздравление. Причем посылает открытку не он сам, а его адвокат, который заодно интересуется, не нужно ли ей чего-нибудь. Кайоко Миямото говорит, что такую опеку она променяла бы на один телефонный звонок от бывшего мужа, с которым не говорила со времени развода. При этом за многие годы мать ни разу не увидела своих сыновей — на все просьбы разрешить ей встретиться с детьми Коидзуми отвечает решительным отказом.

Коидзуми заранее объявил, что в 2006 он уйдет в отставку с поста премьер-министра в соответствии с правилами ЛДП. Вопрос о преемнике Коидзуми долго оживленно обсуждался в прессе. На обоих постах его сменил в сентябре 2006 г. Синдзо Абэ.

РАДИ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ КОИДЗУМИ РАССЧИТЫВАЛ РАЗОГНАТЬ ЛОКОМОТИВ ЯПОНСКОЙ ЭКОНОМИКИ.

УБИТЬ МАО

Интервью, которое я предлагаю вниманию читателей, дважды было набрано в разных журналах в начале 80-х годов, и оба раза набор рассыпали после того, как на верстке появлялась последняя подпись — цензора Главлита.

Николай ЧЕРКАШИН

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Я находился тогда в Японии и в ответ на мое телефонное недоумение слышал, как оба главных редактора, словно сговорившись, подчеркнуто бодро кричали из Москвы сквозь помехи — хочется думать, атмосферные — о том, что материал хороший, что он нравится редаклегии и что в журнале от меня ждут чего-нибудь еще в этом духе... Я достаточно догадлив, чтобы делать правильные выводы из радостного возбуждения главных редакторов по поводу снятия с журнальных полос материала перед самой отправкой номера в печать.

ПЛАН ОПЕРАЦИИ

В 1946 году в Пекине, находившемся тогда в руках чанкайшистов, американское Управление стратегических служб — так в то время именовалось ЦРУ — предложило трем офицерам японской разведки стать его агентами. Это были Томиаки Хидака, Рюити Ямагути и я — Тацудзиро Накадзима.

Для разговора со мной Накадзима выбрал в кафе столик, расположенный одинаково далеко и от окна, и от стойки бармена. Доносившаяся из динамиков музыка давала возможность говорить, не повышая голоса, и в то же время не позволяла соседям услышать нас. Как было условлено, я вошел в кафе, держа в правой руке сложенную вчетверо газету, в дверях снял очки, протер их платком и снова надел. Мне невольно вспомнились герои детективных романов — от майора Пронина до штандартенфюрера Штирлица.

На этом сходство с литературным детективом кончилось. Я услышал от Накадзимы детектив, созданный, хочется верить, жизнью. После бесчисленных разоблачений кровавых и мрачных дел американских спецслужб — дел истинных и сотворенных воображением писателей — этот детектив показался бы столь же банальным, как и иной литературный, если бы не лица, имевшие отношение к нему. По приказу американской разведки Накадзима должен был убить Мао Цзэдуна.

— Сотрудничать с американцами мы согласились сразу, — рассказывал Накадзима. — Они знали о нас все и вполне доверяли нам. Им известно было даже о том, что, помимо японской разведки, я служил также в разведорганах чанкайшистского генерального штаба. Но американцев такая подробность моей биографии не смущала. Более того, они попросили не бросать работу на чанкайшистов. В наши обязанности, — продолжал Накадзима, — входило получение военной и политической информации от агентурной сети, созданной в Китае японской армией, обработка донесений и передача их американскому резиденту в Пекине майору Джеймсу. В Вашингтоне нас ценили: Джеймс не раз передавал мне благодарность тамошнего начальства.

Однажды ночью в конце июля 1948 года майор Джеймс срочно потребовал Накадзиму к себе. На явочной квартире его ожидали Джеймс, несколько знакомых Накадзиме американских офицеров и Хидака. Увидев маленького, роста чуть больше полутора метров, худого и неказистого Накадзиму, американцы недоуменно и разочарованно переглянулись. Это поко-

риболо Накадзиму. Джеймс поспешил нарушить неловкую паузу.

— Задумана интересная операция, но нужна смелость, чтобы осуществить ее, — сказал Джеймс.

— Смелость? — насмешливо переспросил Накадзима. «Американцы, которых собрал Джеймс, явно прилетели из Вашингтона, — размышлял Накадзима. — Они срочно вызвали меня. Значит, уже решено, что операция поручается мне. Зачем же спрашивать о смелости?»

— Ладно, ладно. Извини. — Джеймс понял свою оплошность. Он помолчал, потом вдруг резко поднялся с места и резко, по слогам, произнес: — Мы хотим, чтобы ты убил Мао Цзэдуна...

— Одного Мао?

Американцы опешили. Удивление, недоверие и восторг одновременно отразились на их лицах.

— Кроме Мао, есть Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Чжу Дэ...

Наверное, Накадзима говорил тогда так же бесстрастно, как и рассказывал сейчас, в кафе у токийской станции Омори, о той июльской ночи более четырех десятков лет назад, когда американская разведка приступила к организации заговора против руководства Компартии Китая. И мне не трудно было представить немую сцену, воцарившуюся на явочной квартире американской разведки в Пекине.

— Конечно, хорошо разделаться со всеми сразу. — Джеймс весело рассмеялся. — Да уж прикончи хоть одного Мао!

К разработке плана убийства приступили тут же. Накадзима, Хидака, Ямагути и Джеймс исходили из того, что Пекин скоро падет, чанкайшисты уйдут из города и в него вступят Объединенная демократическая и Народно-освободительная армии. Было ясно, что самая просторная в столице площадь Тяньаньмэнь станет местом митингов и демонстраций. Для снайпера Мао Цзэдуна и другие лидеры КПК сделаются на трибуне прекрасной мишенью.

— Из обычной армейской винтовки я выбиваю 90 очков из ста. Если применить оптический прицел, результат окажется еще выше. Стрелять должен я, — убеждал Накадзима майора Джеймса.

— Мне нужна абсолютная гарантия успеха, — не соглашался Джеймс.

И Хидака предложил:

— Стрелять следует из миномета. Две три мины — больше выпустить не удастся, но и этого достаточно, чтобы разнести трибуну на площади Тяньаньмэнь в щепы.

Накадзима немедленно отправился на площадь, чтобы подыскать место для установки миномета. И нашел. По краю площади в два ряда росли ивы. Между ними пролегал довольно широкий канал с мостиком над ним. Накадзима не помнил, чтобы по каналу когда-либо текла вода. Под мостиком удобно укрыть миномет до начала

митинга, решил Накадзима. Выстрелы произведем из канала, загороженного от площади ивами. До трибуны — около 400 метров. Из 105-миллиметрового миномета вполне можно добиться прицельной стрельбы. Однако где спрятать миномет до дня покушения? Джеймс предложил на выбор дома трех тайных американских агентов — хозяина ресторана француза Анри Бетти, итальянского миссионера Тартиссио Мартини и контрабандиста опиума Антонио Рива, тоже итальянца. Накадзима остановился на доме Ривы — там имелся склад, пригодный для оборудования тайника.

В Вашингтоне одобрили план Накадзимы и Джеймса. Покушение наметили совершить в тот день, когда на площади Тяньаньмэнь состоится первый митинг с участием руководства КПК. А пока Накадзиме, работающему на чанкайшистскую разведку, и Хидаке придется уехать на Тайвань, распорядился Джеймс. В Пекине останутся Ямагути и Рива. Перед покушением к ним присоединится Накадзима, которого американцы перебросят в Китай.

Известны относящиеся к 1946–1947 годам планы США оккупировать Китай. Целью планов было, как указывалось в одном из них, «предотвратить создание на Дальнем Востоке такой военной и политической ситуации, которая приведет к принятию народами Азии коммунистической идеологии». В другом американском плане обращалось внимание на тех, кто мог бы оказать сопротивление оккупации. «Наиболее серьезную политическую опасность для американских сил, — говорилось в документе, — представит Коммунистическая партия Китая. Она располагает превосходно дисциплинированным руководством». Ликвидировать «превосходно дисциплинированное руководство» КПК и вознамерились американцы.

Однако как познакомился я с Тацудзиро Накадзимой? В начале 80-х годов газета японских коммунистов «Акахата» на протяжении нескольких месяцев публиковала документальные очерки о действиях в Японии американских спецслужб. В очерках перечислялись сотрудники ЦРУ из японских граждан, о которых газете удалось узнать. Среди них и попала мне фамилия Накадзима.

Я попросил газету сообщить мне его телефон или адрес. Но в то время отношения между Компартией Японии и КПСС не отличались классовым братством и в центральном органе компартии не жаловали советских журналистов. Сведений мне не дали. Не раскрыли и псевдоним, каким были подписаны очерки. Пришлось пойти самым простым путем: я раскрыл токийский телефонный справочник и принял звонить по очереди каждому Тацудзиро Накадзиме, кто значился в толстой книге. Шестой по счету Накадзима, выспросив, кто я и откуда, не без колебаний в конце концов признался: да, это о нем упоминала газета «Акахата».

Накадзима указал место встречи — кафе у станции Омори и спросил, какие знаки позволят ему опознать меня...

— Примерно до середины 1949 года я чувствовал большую заинтересованность американской разведки в успехе операции, — прежним тусклым голосом говорил мне Накадзима. — Ямагути и Риве не поручали сбор информации.

Опасались, что они «засветят» себя. К ним не посылали связников, чтобы по их следам к исполнителям операции не пришла

китайская контрразведка. Я продолжал служить на Тайване у чанкайшистов. Мой новый начальник из Центрального разведывательного управления, которое в 1947 году пришло на смену Управлению стратегических служб, майор Джаспер, самым строгим образом предупредил меня о необходимости скрывать от чанкайшистов план операции. — Накадзима помешал ложечкой невыпитый и уже остывший кофе и отодвинул чашку. — Джаспер предупредил меня также, что тайну операции я обязан оберегать и от американской военной разведки. «Вы находитесь на прямой связи с Вашингтоном», — подчеркивал Джаспер. И самое главное, — голос Накадзимы, пожалуй, впервые за время рассказа обрел живость, — Джаспер сообщил, что ЦРУ вывезет меня, Ямагути и Риву из Пекина после завершения операции. И вдруг в июне 1949 года все резко изменилось.

Накадзима прибыл с Тайваня в Японию. В порту Сасэбо на пароход, едва он пришвартовался, поднялись двое в штатском. Среди трехсот пассажиров они быстро отыскали Накадзиму, словно знали его в лицо. Посадили в «джип» и доставили в местное отделение американской военной разведки. По первым же вопросам Накадзима понял: здесь он известен так же хорошо, как и в ЦРУ. Откуда? От Джаспера? Но ведь тот сам просил не посвящать ни во что военную разведку. Может быть, Накадзима сделался объектом соперничества между ЦРУ и военной разведкой? Об этой междоусобице Накадзима знал. — Недоумение сменилось полной растерянностью, когда он добрался до Токио.

— То, что произошло дальше, и непрофессионалу показалось бы предельно глупым. — Накадзима подозвал официанта, и я заказал еще кофе. — Меня, готовившегося к совершению секретной операции, способной изменить политическую и международную ситуацию в Азии, да и во всем мире, американская военная разведка использовала для осуществления так называемого «инцидента Мацукава», провокации против японских демократов! — Накадзима подождал, пока официант поставит чашки с кофе и отойдет, и продолжил: — Уж не отказалось ли ЦРУ от убийства китайских руководителей? Эта догадка обожгла меня, когда ночью я выворачивал ломом рельсы у станции Мацукава. Вместо того чтобы пробираться в Пекин, я, подобно кинобандиту из американского вестерна, пускаю под откос поезд. Метались в голове мысли, и, признаюсь, меня охватила паника. Неужели в Вашингтоне не знают, что я на грани провала? Слишком уж груба провокация и ее участников ничего не стоит разоблачить! —

МАО НА ТРИБУНЕ

Накадзима положил в кофе сахар, но пить по-прежнему не стал. Голос его опять сделался безразличным, когда он заговорил: — Однако Вашингтон молчал. Джаспер не выходил на связь.

Вероятно, спецслужбам США к середине 1949 года сделалось ясно: на Корейском полуострове зреет военный конфликт. Накадзима сказал, что американская разведка имела своих агентов не только в Сеуле, но и в Пхеньяне. Сведения о близившейся войне поступали, по словам Накадзимы, из обеих частей Кореи. В США понимали, что Япония приобретет роль важнейшей тыловой базы, если американской армии придется принять участие в вооруженном столкновении. Однако американцы понимали и другое: японское демократическое, антивоенное движение может помешать широко использовать эту базу. Требовался предлог для дискредитации демократических сил и для их подавления. Так называемый «инцидент Мацукава» и оказался таким предлогом.

Я и кинооператор Центрального телевидения побывали вместе с Накадзимой на том месте, где «инцидент» произошел. Накадзима показал, какой дорогой его диверсионная группа подобралась к железнодорожному полотну, где пряталась,

дожидаясь темноты, на каком участке полотна разобрала рельсы.

Еще на вокзале в Токио я обнаружил скрытное наблюдение за нами. Оно продолжилось в поезде, пока мы ехали в Мацукава. Соглядатаи менялись, но не отставали от нас. На шоссе, ведущем к изгибу железнодорожного полотна, где 17 августа 1949 года Накадзима и другие диверсанты пустили под откос пассажирский поезд, нам то и дело попадались строительные рабочие, сосредоточенно долбившие асфальт или старательно наносившие разметку на дорожное покрытие. Эти «пролетарии» очень походили друг на друга. Все были облачены в одинаковую новенькую рабочую одежду. На тужурках не успели сгладиться складки, образовавшиеся от долгого лежания тужурок на складе. Нитяные перчатки поражали магазинной белизной. На головах красовались чистенькие кепочки с большими козырьками, скрывавшими лица. Едва мы начали на железнодорожном полотне съемку, как над нами завис вертолет. Он немедля улетел, когда кинооператор навел на него камеру.

Слушая Накадзиму в кафе у станции Омори, я испытывал сомнение в достоверности рассказа о подготовке покушения на китайских лидеров. Да и был ли Накадзима

тем, за кого себя выдает, — агентом ЦРУ? — думалось мне. Но обстановка, в какой мы снимали в Мацукава место железнодорожной катастрофы, несколько ослабила мои подозрения. Никогда до этой съемки и ни разу после нее японские «компетентные органы» не проявляли ко мне, к кинооператору и к героям наших телерепортажей столь пристального внимания. Компетентность «органов» придала мне определенную уверенность в компетентности рассказа Накадзимы.

— Наконец объявился Хидака, — продолжил рассказ Накадзима. — Хидака вернулся с Тайваня в Японию раньше меня и теперь возглавлял торговую фирму «Кай-ан сейкай», служившую «крышей» для американских спецслужб. Хидака не стал скрывать от меня, что получает деньги и от американской военной разведки, и от ЦРУ. «Готовься ехать в Китай», — сказал Хидака мне. «Это приказ ЦРУ или военной разведки?» — спросил я.

Хидака от ответа уклонился, вспоминал Накадзима. Вероятно, перед отбытием из Японии Джаспер свяжется со мной, решил он. Но напрасно Накадзима ждал Джаспера. Напрасно напряженно всматривался в удалявшийся берег даже в то туманное утро, когда шхуна «Синкомару № 2» взяла курс через Желтое море на запад. Апатия охватила Накадзиму. Его, опытного разведчика, привыкшего тщательно готовиться к любой, пусть самой мелкой, операции, не возмущало теперь, что об отплытии шхуны из Нагасаки знал, наверное, весь город, — Хидака получил от американцев горючего больше, чем требовалось, и излишек продал на «черном рынке» — не трогало и то, что по пути в Китай шхуне назначено зайти в Корею — предстояло забросить туда трех американских агентов. Накадзима перестал верить в успех операции. И когда внезапно налетевший тайфун выбросил шхуну на корейский берег, у Накадзимы в глубине души шевельнулась радость.

— А что случилось с Ямагути и Ривой? — поинтересовался я.

— Их арестовали в 1950 году, — Накадзима помешал ложечкой уже в третьей чашке кофе, но так и не отпил из нее. — Их расстреляли потом.

— Ясно, что ЦРУ отказалось от убийства китайских руководителей, — сказал я и спросил: — Как вы думаете, почему?

Накадзима пожал плечами. Он не знал ответа.

Я могу лишь предполагать, что к части американского политического руководства, в том числе и к влиятельным лицам в ЦРУ, уже тогда, в середине 1949 года, пришло понимание: силовое давление на противоположную социально-экономическую систему вряд ли продуктивно. Может быть, в то время в Вашингтоне нашлись люди, осознавшие: убийство Мао Цзэдуна и других китайских лидеров грозит вызвать конфликт, способный перерасти в мировую атомную войну со всеми ее трагическими последствиями для человечества, тем более что на Корейском полуострове дело уже шло к серьезному столкновению. Не исключено, что американцев остановило отсутствие в Китае мощной политической силы и популярных среди китайцев руководителей, которые пришли бы на смену КПК и ее верхушке, если выстрелы на площади Тяньаньмэнь прозвучат и повлекут за собой политический переворот. Гоминьдановцы и их вождь Чан Кайши в качестве альтернативы китайским коммунистам не годились. А может, у США появились совсем иные планы, связанные с КПК и правительством КНР?

— Вы так и не выпили кофе, — сказал я Накадзиме, когда он закончил рассказ. — Может, попросить свежесваренного?

— Когда в 1962 году я решил порвать с ЦРУ, меня вызвали на явку в кафе в токийском увеселительном районе Юра-куте. — Накадзима будто не слышал моего вопроса. — В кафе я повторил кадровому сотруднику ЦРУ Сатони Цутида, что не желаю далее работать на американскую разведку. Цутида заказал кофе. По издавна выработавшейся привычке я не беру в рот ничего, не попробовав сначала на язык. Я ощутил странный вкус у кофе и тут же ушел из кафе. Яд оказался сильным, и даже капли его было достаточно, чтобы в метро я потерял сознание. «Скорая помощь» доставила меня в больницу. Там мне спасли жизнь. С тех пор я никогда не пью кофе.

ЧАН КАЙШИ (В ЦЕНТРЕ) И МАО (СПРАВА), 1945 Г.

Это еще не последнее мое слово

Растолкав книги с кричащими заголовками на книжных прилавках Варшавы, место бестселлера заняла «Прерванная декада» Януша Ролицкого. Это интервью-исповедь Эдварда Герека (род. в 1913 г.). Он в течение десяти лет (отсюда название книги) был первым секретарем ЦК Польской объединенной рабочей партии – с декабря 1970-го до сентября 1980 года. Герек молчал 10 лет, «как огня, избегая журналистов». И вот теперь — исповедь.

Вера СЕЛИВАНОВА

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Книга, как и жизнь, вместила многое. Мальчик из рабочей семьи, Герек в 13 лет начинает «вкалывать» на шахте. Вскоре семья в поисках работы вынуждена эмигрировать во Францию, затем в Бельгию. В 17 лет Эдвард Герек вступает в компартию. Участие в Сопротивлении в годы войны и возвращение на родину в 1948 году. Стремительный взлет по ступенькам партийной карьеры и падение с головокружительной высоты...

Мы публикуем отрывки из книги «Прерванная декада».

— 5 сентября 1980 года Вы не явились на заседание Сейма. Вскоре стало известно, что Вы находитесь в больнице в Анино. Что же произошло?

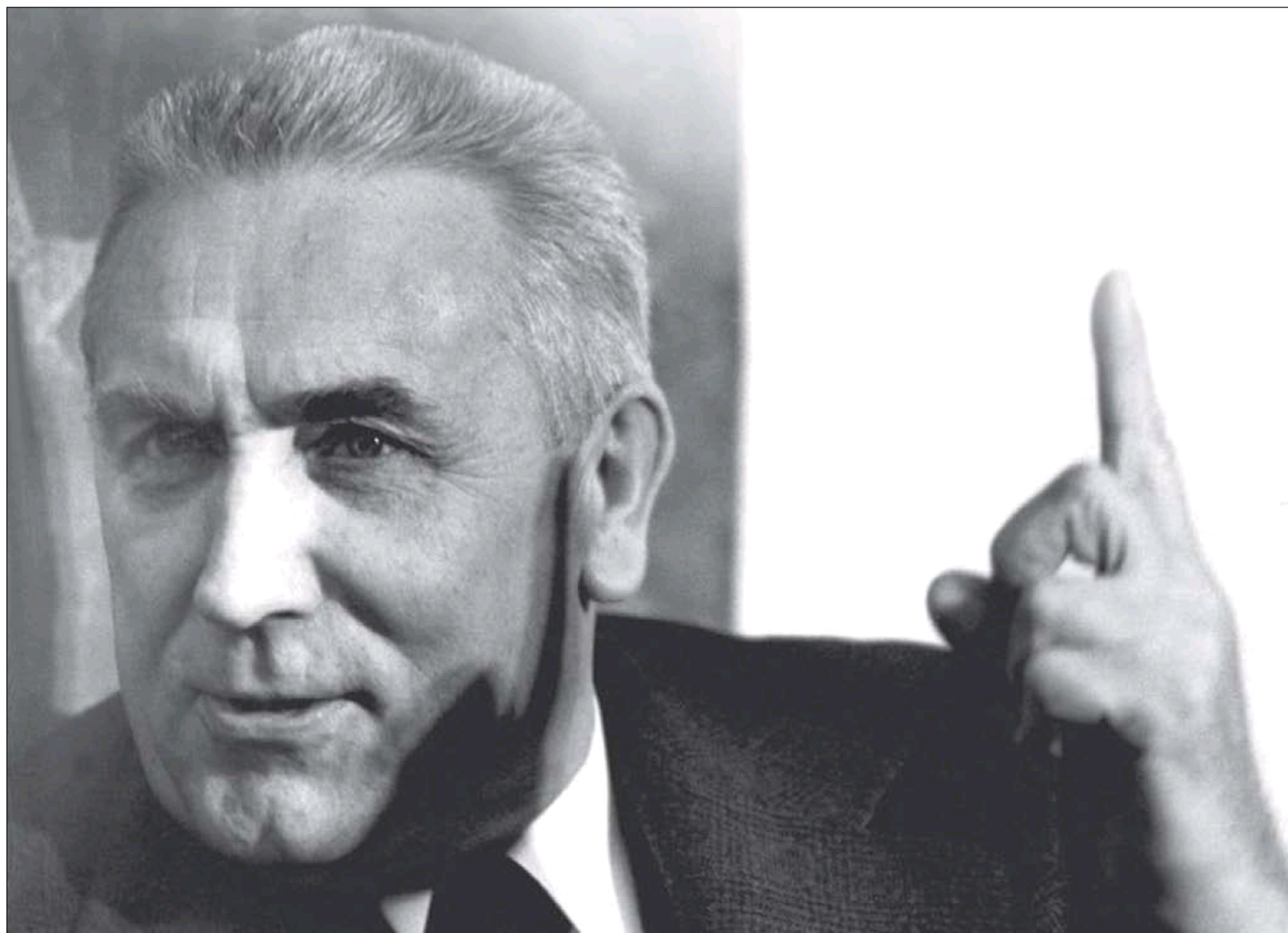
— Я работал всю ночь в своей служебной квартире в Кларысее под Варшавой, готовясь к важному выступлению на Сейме. К утру я почувствовал такую резкую боль под грудиной, что подумал: «Это конец». Дали знать о себе волнения двух последних месяцев. Стараясь не паниковать, я осторожно разбудил жену и попросил вызвать врача. Через полчаса дежурный офицер прибыл с реанимационной каретой «скорой помощи». Приехал профессор Янушевич, а вслед за ним профессор Сливинский.

— Министр здравоохранения?

— Да, профессор Сливинский был тогда министром здравоохранения. Оба профессора осмотрели меня, сняли кардиограмму и незамедлительно забрали в Анинскую больницу. Там меня поместили в отдельном корпусе, под особым надзором, как я потом узнал. Подключенный к аппаратам и мониторам, я восемь дней пролежал прямо как Лазарь. А потом провел целых восемь недель на излечении в этой больнице. Мною занимались замечательные врачи, прежде всего пани профессор Хоффманова и профессора Янушевич и Гибинский.

— Утром, когда стало известно о Вашей болезни, было созвано экстренное заседание Политбюро ЦК ПОРП. На нем было принято решение о назначении первым секретарем ЦК ПОРП Станислава Кани. Вечером того же дня на срочно созванном Пленуме Центрального Комитета утверждается это решение Политбюро. Кто-нибудь информировал Вас об этом?

— Нет. Никто ничего мне не сказал — ни о заседании Политбюро, ни о Пленуме. Никто не пришел, чтобы узнать, как я себя чувствую. Только на следующий день, ранним утром, появился Станислав Кани. Хотя и чувствовалось, что он не спал ночь, настроение у него было прекрасное, самодовольство просто выпирало из него. Я слышал, как профессор Хоффманова не разрешала ему войти ко мне, говоря, что визит нежелателен ввиду

СТОЯЩИЙ У ВЛАСТИ НЕ МОЖЕТ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ ПРЯТАТЬ ГОЛОВУ В ПЕСОК, ИНАЧЕ ЕМУ ЕЕ ПРОСТО НЕ СНОСИТЬ

тяжелого состояния больного. Слабый, как младенец, я неподвижно лежал на кровати, вслушиваясь в мерные звуки «пип-пип», доносящиеся из репродуктора монитора, контролирующего работу моего сердца. И это было для меня важнее того, что стал говорить мне человек, которого я десять лет поднимал со ступеньки на ступеньку лестницы партийной иерархии. На свою, и не только на свою, беду...

— В тот момент Кани был секретарем ЦК и членом Политбюро. А кем он был в день Вашего выбора первым секретарем, в декабре 1970-го?

— Начальником отдела Центрального Комитета.

— То есть карьерой он обязан Вам?

— Безусловно. Так вот, о его визите. Хорошо помню, как он с напускной торжественностью известил меня о решении помочь мне в моих нелегких обязанностях. При этом основная тяжесть ложилась на его плечи, ибо именно его избрали на мое место первым секретарем. Он не смог скрыть обуревавшую его радость, хотя говорил с похоронной миной. Почувствовав неприязнь, ибо я не имел оснований разделять его

радость, Кани поспешил заверить меня, что, как только я оправлюсь от болезни, буду избран Председателем партии. Об этом говорилось на Пленуме. Я никогда не был сторонником теории Паркинсона и не без иронии подумал: при создавшейся сложной ситуации в стране эта должность нужна мне как рыбе зонтик. Такой была моя последняя встреча с Каней. Он покинул палату и энергичным шагом направился оздоравливать партию, я же остался один на один с мониторами. Вскоре я понял, что стал персоной нон грата — со мной прекратили все контакты по политическим вопросам. Когда я уже выздоравливал, в корпусе, где я лежал, часто появлялся Юзеф Пиньковский, последний премьер-министр, назначенный мной. Он посещал свою больную мать. Как-то офицер из моей охраны предложил ему зайти ко мне, но тот отговорился нехваткой времени.

— Как Вы это переносили: тяжелая болезнь и политическая пустота вокруг?

— Я был действительно серьезно болен, и какое-то время врачи опасались второго инфаркта. В таком положении, независимо от обстоятельств, человек замыкается в себе.

Но иллюзий я не питал, понимая, что для меня настали тяжелые времена. И в то же время кое-что вселяло бодрость. Во время долгих бессонных ночей я пришел к выводу, что у меня есть по крайней мере две причины гордиться собой. Первая: преодолев все препятствия — а их было немало, — я сумел все-таки прийти к соглашению с бастующими рабочими. Вторая: пусть как политик я проиграл, но я был единственным первым секретарем ПОРП, который не запятнал рук кровью своих сограждан. Я остался верен обещанию, данному народу и самому себе десять лет назад.

— Как долго Вы были в больнице?

— Через десять недель меня перевезли, вместе с женой, в особняк в Спале, на реке Пилице.

— Осенью 80-го года я видел телерепортаж об этой Вашей резиденции. В нем говорилось о баснословной роскоши убранства, о бесценных античных произведениях искусства. Посмотрев передачу, многие пришли к выводу, что у Вас слишком большая жилплощадь.

— Дворец Мосцицкого — а Спала была резиденцией польских президентов — строил

не Эдвард Терек. В те времена я был безработным шахтером, выдворенным из Франции. А если говорить серьезно, то вскоре оказалось, что жить мне негде. Покинув служебную резиденцию в Кларысе, в феврале 1981 года я вернулся в свою квартиру в Катовицах.

— Вы находились под стражей?

— Нет, формально нет. Сначала, будучи тяжелобольным, я и сам не мог покидать клинику. Я находился в полной изоляции, и какое-то время ко мне не пускали даже моих сыновей. Офицеров из моей охраны я не спрашивал, какие им даны инструкции, — так, на всякий случай. Бывают в жизни ситуации, когда неведение лучше правды.

— Случалось Вам следовать этому принципу и в политике?

— Шутить изволите! В наше время, в таком большом и таком специфическом государстве, как Польша, никто стоящий у власти не может позволить себе прятать голову в песок, иначе ему ее просто не сносить.

— А не случалось ли Вам задумываться над тем, как поразительно интересно изменилась роль офицеров охраны? Из «горилл»-охранников они стали тюремщиками. С психологической точки зрения...

— Плохой из Вас психолог. Уверю Вас, эти люди были отнюдь не в восторге от своей новой роли. И ни один из них не был для меня Рафинадом из романа Уоррена, да и я, смею думать, никогда не был бездушным сатрапом.

— Средства массовой информации Вас представляли, мягко выражаясь, человеком глубоко нечестным, обвиняли во многих недостатках, прежде всего в непотизме (кумовстве). Сильный должен быть характер у человека, чтобы не сломаться.

— Обладание политической властью всегда связано с риском ее потерять. Что же касается обвинений... После такой кампании ненависти — и со стороны кого? не «Солидарности», а моих недавних товарищей по партии — каждый трезвомыслящий человек поймет: если бы мои враги располагали хоть какими-то доказательствами моей вины, я уже сидел бы на скамье подсудимых. Кстати, это было одним из пунктов программы Кани и Мочара.

— Думаю, Брежнев не допустил бы этого.

— Уверен, Брежнев охотно воспользовался бы возможностью расчитаться со мной, уж слишком долго пришлось ему терпеть существование «Солидарности», в возникновении которой он обвинил меня. Так неужели ради столь важного для Системы дела он не решился бы санкционировать процесс старого франко-американского шпиона?

— Шпиона?

— Да, да, я располагаю доказательствами, что меня пытались обвинить в этом. Особенно меня ранила травля моей семьи. О чем только не писали в газетах и не говорили по телевидению: что жена ездила в Париж делать прически, что сыну по моему звонку присвоили звание профессора, что невестка владеет частной клиникой. И т.д. и т.п. Немного окрепнув, уже из Катовиц я позвонил Кане по правительственному телефону, который не успели еще снять в моей квартире. Странно, но меня с ним сразу соединили. Я сказал ему: «Хотите бороться со мной — боритесь, но отцепитесь, холера вас дерит, от моей семьи!» И знаете, что я услышал в ответ от первого секретаря ЦК ПОРП?

— Что?

— «Товарищ Герек, а помните, как вы вместе с Ярошевичем хотели прикончить меня? Может, вы и забыли, да я помню, и теперь я вам покажу, как приканчивают. До смерти меня не забудете». Согласитесь, довольно зловеще это прозвучало.

Вы спросили, благодаря чему я все это перенес и, как видите, очень неплохо держусь — назло моим врагам. Секрет прост: как многим из моего поколения, мне пришлось испытать немало превратностей судьбы. Меня просто-напросто закалила жизнь.

— ...Давайте попытаемся выяснить вопрос о декабрьских событиях. Могла ли не произойти эта трагедия?

— Декабрь 70-го года — самая большая после войны трагедия нашего народа. Вызвана она была стечением целого ряда различных обстоятельств. Здесь и недовольство народа слишком медленным развитием страны, и застой как в политической, так и в экономической и социальной сферах, отсутствие перспектив, особенно для молодежи, расхождение слов с делом и все более ясное

осознание того, что мир убегает от нас все быстрее, а мы отстаем.

Известно ли Вам, что по уровню экономического развития мы были на последнем месте среди европейских стран социалистического содружества? И все же даже всех этих тревожных факторов самих по себе было недостаточно для этого страшного взрыва народного недовольства, который произошел в декабре 1970 года. Народное недовольство могло тлеть годами. Но резкое повышение цен на продукты питания сыграло роль детонатора. И, что еще более обострило положение, сделано это было в праздничные дни...

— ...Сначала Вы поехали с новым премьер-министром Петром Ярошевичем в бастующий Щецин?

— Да. В Щецин на переговоры с бастующими рабочими судовой верфи мы приехали без предупреждения. Остановились в здании воеводского Совета, а Шляхчиц отправился на судовой верфь подготовить встречу. Проходит час, второй, а от него никаких вестей. Я и говорю: «Будь что будет, поехали на верфь». А уже наступил вечер, стемнело. На нескольких машинах мы подъехали к воротам судостроительной верфи имени Барского. Ворота были заперты, безлюдно, лишь флаги бились на ветру. Я подошел к проходной, где столпилось несколько рабочих, вооруженных цепями, ломом, колыями. Увидев нас, они двинулись навстречу, настроены были явно агрессивно. Один спросил: «Вы кто? Чего вам надо?» Когда я ответил, что я Эдвард Герек, первый секретарь ЦК партии, это их явно смутило. Несколько человек сразу же побежали в дежурку — позвонить руководителям забастовки, спросить, что делать с такими гостями. Минут через десять ворота перед нами открылись, и мы вошли на территорию уже спящей верфи. В помещении дирекции, где размещался забастовочный комитет, народу было совсем не много. Я сказал им, что вместе с премьером мы хотим встретиться с бастующими рабочими и их

комитетом в полном составе. Нас отвели в большой конференц-зал и попросили подождать, пока не соберут народ. Ждать пришлось довольно долго, часа полтора, не меньше. Тут к нам прибежал перетрусивший Франтишек Шляхчиц. Он очень нервничал: «Зачем вы сюда пришли? Это опасно. Я не в состоянии обеспечить вам охрану». «Да перестань ты, никакой опасности нет», — успокоил я его.

— Да, ситуация не банальная. Поздний вечер, в стране беспорядки, а в сердце бастующей верфи глава правящей партии и глава правительства пребывают в долгом ожидании сбора забастовочного комитета. Вряд ли теоретики марксизма могли предвидеть такой поворот...

— Пока ждали, о многом я успел передумать. Сам факт моего приезда к бастующим благотворно действовал на них. Ничего не скрывая, рассказал я рабочим о положении в стране, о своем отношении к разгону прежним руководством демонстраций, обещал никогда не применять оружия против рабочих. Эти простые слова, а также мое искреннее сочувствие тем из рабочих, кто пострадал в декабре, видимо, действовали, так как они решили прекратить забастовку и вернуться на рабочие места. Никогда не забуду радость, облегчение, которые отражались на лицах рабочих, когда они пришли к этому решению. Начиная забастовку, каждый рабочий обязательно думает о том, чем она закончится. Уж я-то это знаю, в жизни мне не раз самому приходилось быть по ту сторону баррикад. И, поверьте, когда в четыре часа утра мы с рабочими выходили с территории судовой верфи, мы все были счастливы. Ну а я особенно, ведь мой рискованный шаг — а так его расценили многие из моих коллег — закончился полным успехом.

— Вы поставили на карту свою карьеру. А если бы не удалось?

— Честно скажу, я верил в успех. Ставкой в игре был не только Герек, ставкой была Польша, а ради страны я готов заплатить

любую цену. После той ночи, несмотря на огромную усталость, мы отправились в Гданьск. Я попросил пригласить на встречу также рабочих судовой верфи имени Парижской коммуны из Гдыни.

— Это там Вы спросили: «Вы нам можете?»

— Именно так я поставил вопрос на той встрече, рабочие поддержали меня, и это позволило Польше в последующие десятилетия сделать большой шаг вперед.

— ... Не слишком ли много Вы заботились об интересах партии?

— Мой дорогой, в то время интересы Польши тесно зависели от интересов партии. Сегодня, когда реальный социализм не только в польском, но и в европейском масштабе рассыпался на мелкие кусочки, легко изображать удивление: как это они могли не замечать, что социализм советского образца явно задыхался? Тогда же, в начале семидесятых годов, еще не было тотального отрицания Системы, и для каждого здравомыслящего политика было ясно, что будущее Польши зависит от успеха именно этой общественной формации.

— Однако убийство рабочих на улицах польских городов органами порядка никак не вязалось ни с философией Системы, ни с провозглашаемыми ею лозунгами.

— В тревожные часы ожидания встречи с забастовочным комитетом в Щецине, а потом в Гданьске я понял: самое главное — отказаться от манипулирования лозунгом классовой борьбы, ибо он разрешал все. Наши польские условия позволяли перейти к другим лозунгам, в которых устаревшее понятие диктатуры пролетариата заменялось социальной, общенародной солидарностью. Так родилось понятие «морально-политическое единство народа». Благодаря ему, благодаря вскоре объявленному нами переходу к развитому социалистическому обществу мы могли официально провозгласить возможность отказа от применения силы. Знаю, многим это казалось просто риторикой, многие пожимали плечами, читая эти наши лозунги, обвиняли нас в глупом манипулировании словами. Мои противники как в партии, так и вне ее не отдавали тогда себе отчета в том, что при каждой моей встрече с руководителями братских компартий, а особенно с Брежневым, разговор как минимум наполовину обязательно сводился к нашему отношению к костелу и к индивидуальному сельскому хозяйству.

Мы уже к середине моей декады самоуверенно заявили, что нами построен фундамент социализма, хотя подавляющее большинство поляков каждое воскресенье ходили в костел, а около 80 % всех земель было в руках частных владельцев. Нет, Вы себе просто не представляете, как остро меня критиковали на встречах на высшем уровне.

— Многие тогда (а уж все бастующее побережье — точно) были недовольны Вами за то, что Вы взяли под защиту Гомулку.

— Я отдавал себе отчет в том, что теряю популярность, защищая Гомулку. И тем не менее решение мое было твердо: отмежевываться от его методов, но не задевать его личность. Почему? Во-первых, поступал так я просто из обыкновенного чувства порядочности — пребывая четырнадцать лет в руководстве партии, я в определенной степени, пусть даже формально, нес ответственность за сделанное им, не вчера же я, в самом деле, родился! Во-вторых, приходилось считаться с возможными последствиями внутри нашего блока. Еще 17 декабря Брежнев, обеспокоенный событиями в Польше, звонил Гомулке и предлагал ему братскую помощь, а уже 19 декабря, без согласования с русскими, на польской арене появился новый первый секретарь ПОРП, которого звали Эдвард Герек. Поздравил меня Брежнев только через сутки, а Аверкий Аристов, посол СССР в Польше, явился с поздравлениями лишь 21 декабря. Согласитесь, меня трудно было назвать ставленником советских товарищей.

Кроме того, осудив публично политику Гомулки, даже не предавая его самого суду, я мог вызвать демонтаж социализма, а этого я хотел избежать любой ценой. Только политический младенец или глупец может считать, что, оплевав с ног до головы первого секретаря, не нанесет ущерба его партии. Об этом знал Гомулка и не трогал Берута, человека, с которым боролся столько лет, за что был посажен в тюрьму и долгие годы пребывал в изоляции. А, следует Вам знать, развенчать Берута, унижить его рвались очень многие.

ВЛАДИСЛАВ ГОМУЛКА СМОГ УДЕРЖАТЬСЯ ВО ГЛАВЕ ПАРТИИ ЦЕЛЫХ 14 ЛЕТ

Гомулка не позволил, пренебрегая дешевой популярностью. Я поступил так же. Отказался от его методов, от применения силы против бастующих, но Гомулку не раз-решил трогать.

— А чем Вы мотивировали свою защиту Гомулки?

— Тем, что нельзя оценивать человека, стоявшего во главе партии целых 14 лет, лишь через призму декабрьской трагедии. Я напомнил о споре его с Берутом и Сталиным, о заслугах Гомулки во время польского Октября. Ведь все знают, что в значительной степени благодаря ему в 1956 году мы избежали судьбы Венгрии. К сожалению, мои аргументы не очень-то убеждали бастующих. Люди, потерявшие во время разгона демонстраций своих родных и близких, были глухи к моим аргументам.

— Почему же от этого принципа отказались Ваши преемники?

— Из страха, из обыкновенного страха. Кania просто-напросто боялся моего возвращения. В конце концов, это я вел успешные переговоры в Гданьске и Щецине, я отказался от применения вооруженной силы в решении социальных проблем, я, наконец, в значительной степени поднял жизненный уровень поляков. Тереку народ не мог предъявить претензий, вот и понадобилось очернить его, сделать из него вора, растратчика, бог знает кого, чтобы навсегда исключить возможность его возвращения на политическую арену. А каков результат? Он известен. Кania нет, Польской объединенной рабочей партии нет.

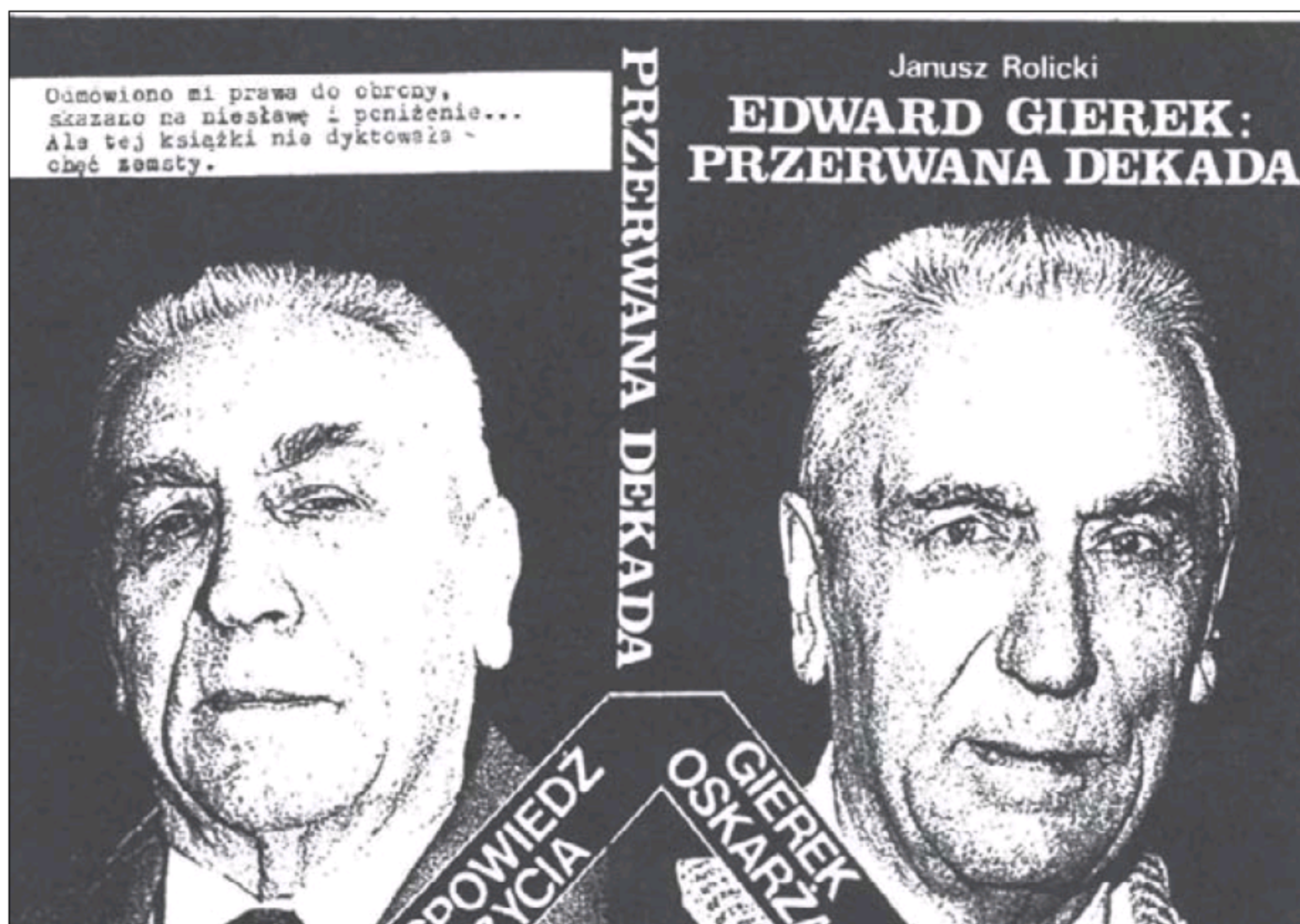
— Какую роль в Вашей «команде» играл Петр Ярошевич? Существовало мнение, что он «человек Москвы».

— Суший вздор! Петр Ярошевич в переговорах с русскими боролся за каждый злотый для поляков. По профессии он был учителем, до войны работал в восточных областях Польши, там и попал под советскую оккупацию. Его взяли морозной зимней ночью, а зима 1939—1940 годов была очень суровой, и вывезли в Сибирь, вместе с женой, которая тогда была в положении. Петр не любил рассказывать о том, что ему пришлось там пережить, никогда не ридился в одежды мученика. Не выдержав лишений и болезней, жена его вскоре умерла, он сам работал на лесоповале. Оттуда он попал в польскую дивизию имени Костюшко, когда в СССР собирали в нее поляков, ибо у него хватило ума понять — наперекор русским Польшу не восстановить. И, как всякий умный человек, он предпочитал, чтобы русские были нашими союзниками, а не врагами.

Заняв пост премьер-министра, он, как никто другой, умел с ними спорить и в сотрудничестве с могущественным восточным соседом всегда защищал польские интересы. Сейчас очень много говорится об экологических проблемах, о той опасности, что несет атомная энергетика окружающей среде, а знаете ли Вы, что только благодаря Ярошевичу в Польше нет ни одной атомной электростанции? Помню, как пришел он ко мне, вернувшись с одной из сессий СЭВ, и сказал, что советские товарищи нажимают на нас, велют строить в Польше атомную станцию. Мы оказались единственной страной в соцлагере, которая отказалась от строительства. Петр мне сказал тогда: «Пусть суют эти электростанции куда угодно, но мы на это не пойдем. Первое поколение их атомных реакторов еще недостаточно доработано, подождем, пусть устранят обнаруженные недостатки, и возьмем реакторы второго или даже третьего поколения, чтобы была гарантия безаварийной работы».

Свое знание России, ее культуры и языка он всегда использовал в интересах Польши. С русскими он умел договариваться намного лучше меня. Я понимаю по-русски и даже немного говорю, а он говорил очень хорошо. Он знал обычаи и привычки русских, знал, как и чем им потрафить. Были у него свои маленькие секреты. Так, например, он знал, кому надо дать чемодан водки, а кто будет рад варшавским тряпкам. И обвинять его в деятельности во вред Польше и на пользу Большого брата просто подло. И ведь что интересно, в этом его обвиняли люди, которые сами именно так и поступали. Вот, например, Кania. Он всегда ехидно называл Ярошевича на русский манер: «Дорогой Петр Константинович».

— Первым человеком в государстве Вы стали в исключительно тяжелый для государства и партии момент — по всей стране одна за другой

«ПРЕРВАННАЯ ДЕКАДА» — КНИГА, КАК И ЖИЗНЬ, ВМЕСТИЛА МНОГОЕ

катились волны забастовок. Разруха, разгромленные здания комитетов партии. Не позавидуешь наследству, оставленному Гомулкой. Какова была Ваша программа? С чего Вы начали?

— Главным было восстановить доверие к партии, убедить людей поверить мне и моим планам. Стратегической же линией моей политики стало ускорение экономического развития Польши. Сделать это собственными силами мы бы не смогли, нам понадобились иностранные кредиты, причем очень крупные. Иностранные кредиты и интенсивный труд всех поляков позволили бы создать экономически мощную Польшу, и тогда по-другому строились бы отношения с нашим восточным соседом, мы бы заняли другое место в социалистическом лагере.

Действовать мы решили широким фронтом, развивая одновременно промышленность и сельское хозяйство, строительство и сферу услуг. Нами был подготовлен пакет юридических и экономических актов, направленных на развитие сельского хозяйства, цель одна — чтобы Польша сама себя кормила. Зная жалкое состояние нашего жилищного строительства, мы тем не менее наметили за двадцать лет предоставить квартиру каждой польской семье. Причем это должны были быть качественно иные квартиры — большей площади и без слепых кухонь. Для улучшения политического статуса страны решено было немедленно прекратить продолжавшуюся целое десятилетие «партизанскую войну» с костелом и сделать Польшу открытой для контактов с миром, чему должны были способствовать либерализация паспортного режима и возможность выезжать за границу без приглашений.

— Планы прекрасные, но январь принес новую волну забастовок. И они были направлены уже не против Гомулки, а против Вас.

— Судьба меня и в самом деле не баловала, действительно, в январе поднялась новая волна забастовок. Но я не согласен с тем, что они были направлены против меня, скорее, они объяснялись общим недоверием к партии. И не забывайте, что высокие цены, о которые споткнулся Гомулка, все еще не были отменены.

— А Вы хотели их отменить?

— Хотел — не хотел, не в этом дело, мне ведь хорошо было известно положение с продовольствием в стране. И, даже когда мы поняли, что эти цены нельзя сохранять, не было резервов, чтобы вернуться к старым. Запад не хотел давать в долг мне и моим соратникам, а советские товарищи тоже не спешили раскошелиться. Нам нужно было сто миллионов долларов. Только через два месяца они предоставили нам эти деньги, что позволило заполнить продуктами полки магазинов. Деньги эти были предоставлены по краткосрочному кредиту, который мы быстро выплатили русским.

— Как Большой брат отнесся к оживлению дипломатической деятельности Польши во время Вашего пребывания на посту первого секретаря?

— Брежнев удалось убедить, что это выгодно и для Советского Союза. Да так оно, в сущности, и было, ибо благодаря Польше политика Советского Союза по наведению мостов между Востоком и Западом, закон-

чившаяся конференцией в Хельсинки, стала более активной. Со своей стороны, мы постоянно стремились к тому, чтобы в Варшавском Договоре Польша заняла второе место. Оно по праву принадлежало нам, учитывая наш человеческий и военный потенциал, размеры нашего государства, а также все возраставшую в мою декаду 1970—1980 годов экономическую мощь Польши.

— Тем не менее, наша внешняя политика всегда оставалась лишь эхом советской политики.

— А разве Италия или ФРГ — третья промышленная держава мира, — разве они вот уже сорок лет не поддерживают во всех мельчайших деталях политику американскую? Мне не известен ни один мало-мальский серьезный шаг, о котором можно сказать, что он противоречит интересам американцев.

— Мне тоже не известен ни один Ваш шаг, противоречащий интересам Советского Союза!

— Просто Вы не очень знакомы с нашей внешней политикой. Например, руководимая мной Польша не одобрила советской интервенции в Афганистане. Мы проявили сдержанность в этом вопросе. Советскую интервенцию в Афганистане одобрила лишь Польша Кania и Ярузельского. Мы не могли опубликовать заявление, осуждающее эту интервенцию, но наша сдержанность была отмечена западными политиками. Кстати, только благодаря этому могла состояться организованная мною встреча Жискара д'Эстена с Брежневым в мае 1980 года в Виланове под Варшавой. На вопрос Брежнева о моем отношении и отношении поляков к советской помощи Афганистану, а прошло уже пять месяцев со дня введения советских войск в Афганистан, я ответил, что и я, и поляки обеспокоены этим шагом и «считаем» интервенцию серьезной и дорогостоящей ошибкой.

— Вы высказались так на самой конференции?

— Нет, ведь я был ее организатором и хозяином и стремился к тому, чтобы стороны пришли к соглашению. Разговор, приведенный выше, состоялся уже после отъезда французского президента.

— А я думал, что встреча в Виланове состоялась по инициативе Брежнева.

— Вы ошибаетесь. Русские не привыкли пользоваться своими союзниками для ведения внешней политики. Наши попытки превратить Польшу в мост между Востоком и Западом их раздражали или смешили. Так что организация встречи в Виланове была чисто польской инициативой. Меня очень беспокоило усиление напряженности после декабря 1979 года. Обе стороны — и Восток, и Запад — заняли более жесткие позиции. Картер решил бойкотировать Олимпийские игры в Москве и приступить к размещению ракет средней дальности в Западной Европе. Это грозило возвращением к временам «холодной войны». Такой оборот событий грозил крахом наших планов: и экономических, и политических. Вот почему, воспользовавшись встречей в Варшаве с известным американским промышленником Хаммером, я через него договорился с президентом Франции, с которым меня связывали особые отношения, и позвонил Брежневу — с ним у меня тоже были хорошие отношения.

В тот же день я получил от него согласие в ближайшие три дня приехать в Варшаву. Я передал эту информацию Жискару д'Эстену, и таким образом встреча состоялась.

— А Вы участвовали в ней?

— Конечно, но, как я уже сказал, в качестве хозяина.

— А был ли шанс договориться?

— Обе стороны определили свои позиции.

Президент Франции сказал о большом беспокойстве Запада из-за ввода советских войск в Афганистан, о том, что этот шаг привел к ухудшению отношений между сторонами. Улучшение политической атмосферы он связывал с выводом советских войск из Афганистана. Брежнев в ответ привел известные советские аргументы об опасности на южных рубежах страны и заверил, что, как только положение нормализуется, части Советской Армии будут выведены из Афганистана.

— Выходит, конференция ни к чему не привела?

— Русские поняли всю глубину обеспокоенности Запада и масштаб грозящего конфликта. А президент Франции осознал, что пока нечего надеяться на вывод Советской Армии из этой далекой страны.

— А лично Вам конференция нанесла лишь вред... У Брежнева не было причин быть Вами довольным.

— Международное влияние Польши, безусловно, лишь укрепилось. А что касается меня... Наверняка его обеспокоило мое заявление об отношении поляков к интервенции в Афганистане. Но тогда я еще не предполагал, что мое высказывание отразится на моей собственной судьбе.

— А отразилось?

— Конечно. Ведь не случайно в 1980 году на мое место главы партии был назначен Кania... Впрочем, когда я еще был первым секретарем, Брежнев отличал меня среди других руководителей соцстран. На совещаниях я выступал сразу после Брежнева, на юбилейных встречах держал речи от имени всех братских делегаций. Безусловно, это было отражением особого влияния Польши в период моего пребывания во главе партии.

За такое особое положение мне приходилось бороться, ведь между нашими братскими странами существовало постоянное соперничество. Мне приходилось часто сталкиваться с завистью руководителей других соцстран и даже с их интригами против меня. Они стремились подорвать доверие советского руководства и ко мне, и к Польше... Использовали для этого любой повод, в частности, тот факт, что я отменил обязательные поставки сельхозпродуктов. По мнению руководителей так называемых братских стран, это был шаг назад. О сельском хозяйстве в Польше во времена Гомулки еще можно было сказать, что оно находилось на уровне военного коммунизма, а то, что было при мне, уже не укладывалось ни в одну схему примитивного марксизма.

— Не хотите ли Вы сказать, что Эдвард Герек сознательно разрушал социалистическую систему в Польше?

П. ЯРОШЕВИЧ, КАК ВСЯКИЙ УМНЫЙ ЧЕЛОВЕК, ПРЕДПОЧИТАЛ, ЧТОБЫ РУССКИЕ БЫЛИ СОЮЗНИКАМИ, А НЕ ВРАГАМИ

— Ни в коем случае. Я просто хотел, чтобы социализм стал для поляков системой приемлемой, более того — хотел, чтобы они полюбили эту систему.

— А это было возможно?

— Тогда я считал это возможным. Впрочем, в середине семидесятых годов все так думали. Практически до 1976 года в Польше не было оппозиции. Наши профессиональные революционеры Куронь, Модзелевский, Михник всецело отдавались делам семейным, учились, защищали диссертации, в том числе и за границей. Наша творческая интеллигенция — научные работники, люди культуры — за малым исключением переживала период увлечения народной властью. И мне очень понятна ее истерическая реакция в последующем, ее стремление сгладить свои восторженные высказывания. Понятна, но тем не менее не кажется этичной. Что ж, люди известные всегда хотят быть на виду. Но уж очень похоже на фарс теперешнее выпященное перечисление их тогдашних «невзгод и обид».

— Как бы то ни было, когда Вы ушли в 1980 году, партия была слабей той, которую Вы приняли.

— Шутить изволите. Если бы не смена руководства и не мой приход на должность первого 19 декабря 1970 года, у нас в Польше было бы военное положение. Не исключено — и помощь соседей. Без всякого хеппи-энда.

...Сегодня все направо и налево трубят о Катыни. Сейчас для этого не требуется гражданского мужества. В семидесятых же годах на эту тему я вел с советскими товарищами очень нелегкие переговоры. Когда в начале семидесятых годов я в первый раз начал с Брежневым разговор о Катыни, катынское дело еще не сформировалось в общественном сознании. Кто знал, тот знал, а широкие круги общественности им не занимались.

— Говоря откровенно, этот вопрос и должны были поднять коммунисты.

— Я тоже так считал, вот и сказал Брежневу, что на благо взаимоотношений наших стран катынский вопрос должен быть выяснен. Брежнев сначала удивился, что этому придется такое значение, а когда я ему все как следует объяснил, обещал изучить вопрос. На этом дело и кончилось. Через два года я опять вернулся к этой теме в разговоре с Громыко. Тот был намного лучше подготовлен к разговору. Он заявил, что точка зрения советской стороны по этому вопросу уже высказана и ему, в сущности, нечего добавит.

— Это были годы постепенной реабилитации Сталина и его политики.

— В том-то и дело, но я считал, что оба наших народа заинтересованы в выяснении деталей этой трагедии, что ее следует всесторонне изучить. Хотите, спросил я Громыко, мы представим вам работы наших историков? Громыко вообще был очень трудным и ловким собеседником. Однако моя настойчивость заставила его обещать, что они еще раз изучат вопрос, даже обратятся к архивам НКВД (это он так сказал), а о результатах нас известят.

Прошло какое-то время, и в Варшаву вместо очень неприятного и враждебного по отношению к полякам посла Аверкия Аристов был назначен Пилотович, кажется, поляк из Белоруссии. Это был, пожалуй, лучший в послевоенной истории Польши советский посол в Варшаве. Он неплохо говорил по-польски, с симпатичным мягким восточным акцентом. Когда меня вывело из терпения затянувшееся молчание и КПСС, и советского МИД, я пригласил Пилотовича на официальную беседу. Рассказал ему о моих усилиях по прояснению катынского дела, поделился своими опасениями о возможном развитии событий — к сожалению, я был прав. Катынь оказалась важным козырем в активизации польской оппозиции, дала материал для всевозможных политических спекулятивных акций. Это самое большое «белое пятно» во взаимоотношениях СССР и Польши, говорил я Пилотовичу, и в наших взаимных интересах стереть его как можно скорее. Посол слушал меня внимательно, был взволнован и обеспокоен. Очень сложный и трудный это вопрос, но он обязательно все изложит в Москве, передаст мою тревогу своему министру, ознакомит его со всеми нюансами проблемы.

— И он передал все Громыко, как обещал?

— Передал, на свою беду. Вернувшись в Варшаву, он встретился со мной. Выглядел он очень удрученным, и чувствовалось, что

ВСТРЕЧА ДВУХ ЛИДЕРОВ: БРЕЖНЕВ (НА ФОТО СЛЕВА) И ГЕРЕК (НА ФОТО СПРАВА)

над ним нависли тучи. Сказал, что ознакомил свое руководство с моей точкой зрения, встречено это было неприязненно, ответа мне он никакого не привез, он будет передан дипломатическими каналами. Последний раз виделся с Пилотовичем, когда он месяца через два явился с прощальным визитом. Я извинился за то, что из-за меня у него такие крупные неприятности. И до сих пор упрекаю себя в том, что мы лишили хорошего человека на столь важном для нас посту.

— А что потом было с этим послем?

— Ему обещали работу в Министерстве иностранных дел, но не дали. Он отправился в Минск, работал в должности одного из заместителей Председателя Совета Министров Белоруссии. Отношение к нему было неприязненным, через несколько лет он покончил с собой выстрелом из охотничьей винтовки.

— ...Вы упоминали о попытках русских воздействовать на политику Польши при помощи посредников, членов партийного руководства ПОРП.

— Да, бывали случаи, когда Брежнев или другие русские лидеры, не решаясь обратиться непосредственно ко мне или боясь отказа, или по каким-то другим причинам, «прошупывали» Эдварда Терка с помощью посредников. Однажды, например, явился ко мне Ковальчик, ну Вы знаете, министр внутренних дел, член Политбюро ПОРП.

Он передал просьбу Андропова предоставить советской разведке списки наших агентов в третьих странах, главным образом в странах Запада. Я как следует намылил Ковальчику шею за то, что он сразу не сказал «нет», и категорически запретил ему не то что давать эти списки, но даже вести разговор на эту тему. А следует Вам знать, что мы годами создавали свою разведку, и создали очень хорошую. Она стояла на страже не только наших интересов, но и нашего суверенитета.

— Вы ощущали давление со стороны союзников?

— Мне чуть ли не каждый день звонил советский посол Аверкий Аристов, говорил о своем беспокойстве в связи с событиями в Польше, о тревоге за будущее социалистического строя в Польше. Перед IV Пленумом по прямому телефону мне позвонил Брежнев и сказал (далее в тексте приводится фраза по-русски. — Прим. пер.): «У тебя контра, надо взять за морду, мы поможем». И стал говорить о страшной угрозе делу социализма в Польше, заверял меня, что на него мы всегда можем рассчитывать. Он очень нервничал, говорил путанно и нечленораздельно. Впрочем, его речь с каждым годом стала

все хуже. Болезнь оказывала разрушительное воздействие на его организм, подолгу он держался лишь на успокоительных лекарствах. Этот его звонок для меня прозвучал зловещим предупреждением об опасности для Польши. При моем разговоре с Брежневым молча присутствовали товарищи Ярузельский и Кania.

— А что Вы ответили?

— Я ответил, что никакой «контры» у нас нет, а есть забастовки, и вызваны они экономическими причинами. Затем я его заверил, что мы хозяева положения, контролируем ситуацию и не нуждаемся, совершенно не нуждаемся, я это несколько раз подчеркнул, ни в какой помощи.

— Почему же Брежнев так поздно отреагировал на развитие забастовочной ситуации в Польше в 1980 году?

— Признаюсь, это до сих пор для меня загадка. Я уже говорил Вам, что во время моего последнего разговора с Брежневым с глазу на глаз в Крыму он выражал беспокойство по поводу стачек в Люблине. И тогда меня удивило несоответствие: такая сильная обеспокоенность по несущественному поводу. А тут такие события... Я думаю, этот его единственный телефонный звонок в августе можно объяснить контактами Кани и Милевского с Андроповым за моей спиной. Если, по мысли моих недругов, забастовки, контролируемые Каней, должны были вызвать мой уход с поста первого секретаря партии, это должно было произойти без вмешательства советских товарищей. Звонок Брежнева свидетельствовал о том, что «беспорядки в Польше» (они так выражались) вышли за допустимые или контролируемые рамки.

После этого звонка Кania изо всех сил стремился как можно быстрее покончить с забастовками. На заседаниях Политбюро он решительно требовал блокировать бастующее побережье, отрезать его от центральных и южных областей страны. Как по мановению волшебной палочки служба безопасности положила конец беспрепятственному до тех пор курсированию эмигрантов оппозиции в Гданьск и обратно, во все концы страны.

Когда я сегодня уже спокойно оглядываюсь на события тех дней, ничем не могу объяснить столь одержимую жажду власти моих товарищей по партии. Как они могли затеять такую опасную игру на забастовках? Легко разжечь эмоции, но трудно их сдерживать. Бесконечные польские кризисы были настолько глубоки потому, что, как правило, та часть руководящей верхушки, которая готовилась захватить власть, втягивала в свои

игры общественность. Этим наша партия отличалась от всех прочих в Восточной Европе...

— В чем вы усматриваете шансы социализма?

— В пробуждении общества. Польша — страна, в которой идеалы равенства и общественной справедливости глубоко укоренились в сознании людей. Поляки вернутся к социалистической программе. И я надеюсь, что новый модифицированный социализм общество построит лучше нас. Почему, например, уже в ближайшем будущем эффективную рыночную экономику мы не можем дополнить коммунистической или социалистической программой социального развития? В Европе найдутся примеры, к которым следует обратиться. И, вместо того чтобы пытаться орлиным взглядом заглянуть за океан, лучше внимательнее присмотреться к тому, что делается по другую сторону Балтики.

ИЗ ПОСЛЕСЛОВИЯ

Конечно же, интервью мое субъективно, но смею думать, что у меня есть на то моральное право — и большее, чем у кого бы то ни было, ведь меня лишили возможности защищаться, обрекли на бесславие и унижение. Держали в заточении, подвергали насмешкам, пытались стереть мое имя со страниц истории. Более того, перечеркнули труд и достижения целого поколения поляков. Вот этим людям, дезориентированным и лишенным права гордиться делом рук своих, я и посвящаю мою книгу.

Не месья диктовала мне эту книгу. История и без того жестоко обошлась с моими противниками, лишив их всяких иллюзий о правдивости избранного ими пути. Сегодня мы присутствуем при последнем акте, завершающем целую эпоху. Эпоху, которую нельзя выбросить из жизни нашего народа. И эта эпоха заслуживает серьезного, всестороннего исследования, а не хлестких оценок политиков. Мне бы хотелось, чтобы моя книга помогла такому исследованию.

Надеюсь, это еще не последнее мое слово. Прочитанная вами книга — скорее просто запись бесед, размышлений, раздумий в бессонные ночи. Я сейчас нахожусь в том возрасте, когда человек подводит итог своей жизни, пользуется в основном глаголами прошедшего времени. От жизни я уже ничего особенного не жду, а если и рассчитываю на что-то, то лишь на понимание и на справедливую, деловую оценку того, что я сделал, и того, чего я сделать не смог...

Эдвард ГЕРЕК
Катовице, февраль 1990 г.

Кто убил Яна Масарика?

Отец Масарика — Томаш Гарри Масарик — был создателем Чехословацкой республики. Сын, Ян Масарик, стал министром иностранных дел в правительстве Клемента Готвальда.

Иван СВИТАК

Специально для «Совершенно секретно»

В ночь с 9 на 10 марта 1948 года Ян Масарик трагически погиб при весьма странных обстоятельствах. Официальная версия — самоубийство. Расследование обстоятельств смерти Масарика не дало четкого ответа о причинах смерти. Этот вопрос остается спорным и поныне.

В 1990 году в пражском издательстве «Академия» вышла книга Ивана Свитак «Тяжелый груз истории. Советизация Чехословакии», отрывки из которой, касающиеся гибели министра-демократа, мы предлагаем вашему вниманию.

Автор книги философ Иван Свитак во время «пражской весны» стал организатором и лидером новых левых демократов, а после оккупации страны в 1968 году был приговорен к восьмилетнему тюремному заключению, но вскоре лишен гражданства и выслан из Чехословакии. Профессор Свитак преподавал в Университете штата Калифорния в Чико, а затем вернулся на родину.

Я имею надежную информацию, что Ян Масарик был убит.

Президент Гарри Трумэн — Владимиру Готвальду, послу Чехословакии 30 августа 1951 года, Белый дом

*Уважаемый товарищ
Генеральный прокурор!*

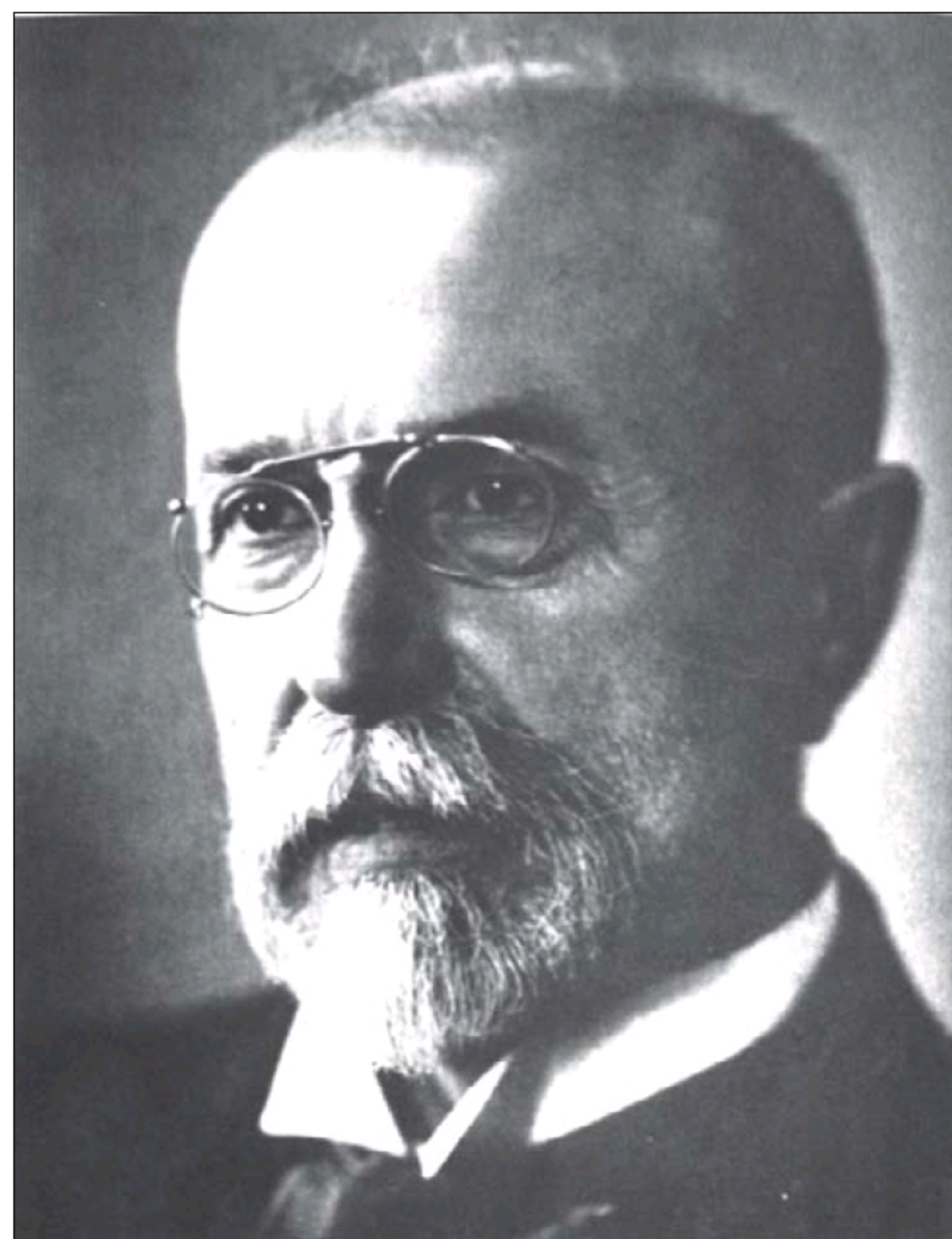
Судя по сообщениям в прессе, в ближайшее время планируется начать реабилитацию незаконно репрессированных в годы сталинизма. <... > В интересах укрепления независимого суда и новых демократических процессов в стране прошу Вас незамедлительно начать расследование обстоятельств гибели министра иностранных дел в правительстве Готвальда (после февраля 1948 года) Яна Масарика и выяснить, не был ли он убит в результате заговора и не стал ли первой жертвой на пути нашей страны к тоталитарному диктаторскому режиму.

Настоятельно прошу Вас опубликовать протоколы допросов свидетелей, дававших по этому делу показания под присягой в европейских судах, а также возобновить следствие с целью восстановить события роковой ночи с 9 на 10 марта 1948 года. Частично это удалось сделать Михаилу Ранду, автору статьи «Пятеро пришли после полуночи», опубликованной 7 апреля 1965 года в журнале «Шпигель». В статье Ранда сделан неубедительный вывод, что Яна Масарика убили. <... >

Начать такое расследование — дело несложное для опытного полицейского, особенно если он положит в основу факты, изложенные в статье Ранда. Позвольте мне коротко напомнить эти факты, не комментируя их. <... >

ЯН И ТОМАШ МАСАРИК

Начну с того, что Карел Максбауэр, источник Чернинского дворца, заявил в отделение милиции при министерстве иностранных дел, что в 5 часов 27 минут утра, выйдя во внутренний двор, чтобы поднять флаги, он обнаружил... тело Яна Масарика, который был мертв. Всего через шесть часов после этого появилась официальная версия о «самоубийстве» Масарика, совершенном под влиянием болезни, бессонницы и перевозбуждения из-за каких-то телеграмм, якобы полученных им от реакционеров. Этой версии противоречат как показания людей, видевших Яна Масарика накануне его смерти, так и материалы полицейского расследования:

1. Представители следственной группы доктор Франтишек Борковец, заместитель начальника отдела госбезопасности в МВД, и доктор Яромир Теплый, полицейский врач-эксперт, прибыв в Чернинский дворец, отметили необычный беспорядок в спальне Яна Масарика. На постели отсутствовали подушки, на полу прилегающей к спальне ванной комнаты были рассыпаны осколки стекла, а окно в ванной распахнуто настежь.

2. При осмотре тела доктор Яромир Теплый обнаружил физиологические симптомы смертельного испуга, которые никогда не встречаются у самоубийц.

3. Личный слуга Яна Масарика Богумил Пишигода застал в спальне полный разгром. Особенно его поразило распахнутое окно в

ванной комнате, которое никогда не открывалось. Подушки валялись в ванной комнате.

4. Вилибальд Хоффман, полицейский врач-эксперт, измерил расстояние от пола до подоконника в обеих комнатах. В спальне окно располагалось на высоте 60 см, а в ванной — 130 см. Никто никогда не задавался вопросом, почему человек, решивший свести счеты с жизнью в собственной квартире, выбрал для этого самое неудобное окно. Тот же Вилибальд Хоффман насчитал в спальне четырнадцать окурков сигарет разных сортов.

5. Доктор Оскар Клингер, личный врач Яна Масарика, не был допущен к телу. Доктор Клингер осматривал Масарика 8 марта и нашел его в хорошем физическом состоянии.

6. Протокол вскрытия тела Яна Масарика подписал профессор Гаек, который, по его собственному признанию, сделанному позже, не подходил к телу ближе чем на три метра.

7. Телеграммы, якобы толкнувшие Масарика на самоубийство, никогда нигде не были опубликованы.

8. Распространенная ранее по редакциям газет официальная фотография Яна Масарика была конфискована полицией в день его похорон. (Разумного объяснения этой акции полиция не дала.) На фотографии, снятой в профиль справа, ухо лежащего в гробу Масарика было прикрыто цветком.

9. Официальное коммюнике о самоубийстве Яна Масарика было составлено без учета результатов следствия всего через шесть часов после того, как обнаружили его тело.

10. Министр внутренних дел Вацлав Носек запретил полиции заниматься дальнейшим расследованием сразу же после похорон Масарика. Доктор Борковец продолжил следствие на свой страх и риск и обнаружил следы, ведущие к майору Францу Шрамму и Вацлаву Седму, которые, по всей вероятности, были замешаны в убийстве.

11. Майор Франц Шрамм, работавший на связи чешской госбезопасности и НКВД и организовавший, по мнению Ранда, покушение на Яна Масарика, был убит летом 1948 года неизвестными лицами, возможно агентами Запада.

12. Вацлав Седм из охраны Чернинского дворца погиб в июне 1948 года в авто-мобильной катастрофе при невыясненных обстоятельствах...

13. На основании данных частного расследования доктора Борковца комиссар полиции Йозеф Кадлец предложил провести эксгумацию, чтобы выяснить, была ли повреждена область за правым ухом Масарика в результате удара, либо там имелись следы инъекции. Вскоре после этого комиссар Кадлец умер прямо в полиции во время допроса.

14. В конце 1948 года доктор Франтишек Борковец был обвинен в организации восста-

ния в Литомержице. Под пытками он признался, что якобы был главой восставших, и после инсценировки суда был казнен.

Уважаемый товарищ Генеральный прокурор, разумеется, Вы не станете отрицать, что при чтении даже этого сокращенного перечня фактов нельзя исключить возможность убийства Яна Масарика. Совершил ли это преступление агент НКВД майор Шрам со своим сообщником Седмом, либо они сами, как нежелательные свидетели, были ликвидированы? Были ли убиты Франтишек Борковец и Йозеф Кадлец? Выяснить это — сложная задача для следственных и судебных органов, но тем не менее прошу Вас сделать это во имя справедливости и торжества закона. У Вас есть великолепный шанс стать чехословацким Гаррисоном (новоорлеанский окружной прокурор Джеймс Гаррисон расследовал покушение на президента Кеннеди. — Прим. пер.). Ваше положение даже предпочтительнее, так как все архивы МВД будут незамедлительно представлены в Ваше распоряжение, ибо это в интересах нашего нового руководства страны, стремящегося покончить с ошибками и несправедливостями прошлого. <...>

С искренней симпатией к моему бывшему следователю и с заверением в содействии, если потребуется,

Иван Свиток
10 марта 1968 г., Прага

Это был новый Мюнхен.

Я отправился в Москву как министр суверенного государства, а возвращаясь оттуда маршнотеткой Сталина.

Ян Масарик — своим друзьям после приземления в Праге
12 июля 1947 года

ЕЩЕ ОДНА ВОТЧИНА СССР

Опасаясь проиграть выборы, Клемент Готвальд решил спровоцировать правительственный кризис. Его зять Алексей Чепичка, депутат от Оломоуца, взялся помочь ему. Коллега Чепички, тоже депутат от Оломоуца, Юрай Соснар организовал изготовление бомб-«сюрпризов», замаскированных под коробки с духами, которые были отосланы по почте 10 сентября 1947 года Яну Масарику, Петру Зенклу и Прокопу Дртине. Но покушение сорвалось, преступников арестовали, Юрай Соснар лишился депутатской неприкосновенности, однако следствие по заговору было прервано февральскими событиями.

Через десять лет после Мюнхена, в феврале 1948 года, чехословацкая трагедия вновь повлияла на судьбы мира. Пало последнее демократическое правительство в Восточной Европе. В считанные дни в промышленно развитой стране западной ориентации с богатыми и давними демократическими и гуманистическими традициями были аннулированы права человека.

Западные дипломаты ожидали чего-то подобного, но были не в силах предотвратить трагедию. Сами чехи не прислушались к совету англичан не подписывать роковой договор с Советским Союзом в 1943 году, сами чехи добровольно вступили в советский блок, сами чехи отказались от американской помощи по плану Маршалла. Могла ли американская армия вторгнуться в страну советского блока, если чехская армия не сделала ни единого выстрела в свою защиту? Если президент страны Бенеш, он же верховный главнокомандующий, смирился с тем, что его друзей-демократов попросту вышвырнули из правительства?

Правительственный кризис разразился 13 февраля 1948 года. Напряжение нарастало с каждым днем.

Двадцатого февраля подали в отставку министры-демократы — довольно неуклюжая инсценировка, которая, впрочем, давала Клементу Готвальду уникальный шанс урегулировать кризис парламентскими методами. После пяти дней сопротивления под давлением демонстраций вооруженной рабочей милиции и угрозы советской интервенции Бенеш сформировал новое правительство, где большинство составляли коммунисты. Президент Чехословакии предпочел не рисковать, ибо опасность гражданской войны была реальна.

В дни кризиса Ян Масарик занемог «дипломатической болезнью», хотя, будучи беспартийным министром, не подвергался травле со стороны коммунистов. В конце концов не все было потеряно: социал-демократы по-прежнему оставались в правительстве, а их лидер Богумил Лаушман не подавал в отставку. Вечером 22 февраля Масарик встретился с Лаушманом, предметом их беседы были планы сотрудничества на будущее. Еще до кризиса Масарик собирался выставить свою кандидатуру на весенних выборах от социал-демократической партии. Однако сейчас вооруженная милиция маршировала по пражским улицам, из министерств и учреждений увольняли «реакционеров», люди тысячами бежали из страны, советские войска в Саксонии и Австрии проявляли необычную активность вблизи чешской границы, американцы прямо заявили, что вмешиваться не будут — Бенеш пожинал плоды политики панславизма, которая произвела на него столь глубокое впечатление пятью годами раньше при подписании договора в Москве.

Февральский переворот был тщательно подготовлен Сланским, генеральным секретарем компартии и делегатом от Чехословакии на секретном совещании Информбюро коммунистических партий в польском местечке Склярска Пороба в сентябре 1947 года. План переворота был разработан при помощи Москвы и под наблюдением советского посла Валериана Зорина. На границе Чехословакии в повышенную готовность были приведены советские войска, а внутри страны — команды советских агентов и чешских наемных убийц типа Шрамма, словом, вся «королевская рать».

Однако вопреки советскому плану переворота президент Бенеш и министр иностранных дел Ян Масарик в отставку не подали. После чистки кабинета их присутствие в правительстве создавало определенные трудности для заговорщиков. Более того, Бенеш и Масарик стали опасны, ибо, переметнувшись на Запад, они могли стать лидерами правительства в изгнании. Антисоветские взгляды Яна Масарика были хорошо известны, равно как и его отношение к Фирлингеру и Свободе. Его ядовитые анекдоты и шутки о советских дипломатах не казались смешными в Москве.

Для коммунистов Ян Масарик прежде всего был близким другом шпиона Брюса Локкарта, а также человеком, собирав-

шимся жениться на реакционной американке Марсии Дэйвнпорт — наименее подходящей кандидатуре на роль первой леди Чехословакии, если Масарик станет преемником смертельно больного и частично парализованного Бенеша. Советы, несомненно, знали, что четвертого марта Масарик отказался подписать приказ об увольнении демократически настроенных сотрудников своего министерства. Шестого марта Марсия Дэйвнпорт покинула Прагу, увозя письма Масарика Локкарту и главе британского Форин Оффиса сэру Орме Сарджету, в которых Масарик просил помочь ему покинуть страну. На следующий день Бенеш дал Готвальду клятву не выезжать за пределы Чехословакии. Между прочим, и Масарик в тот же день, выступая перед высшими офицерами, заявил, что «пойдет с народом». После этого он навестил могилу отца на кладбище в Ланах и был задумчив и мрачен. Девятого марта Масарик вместе с польским министром иностранных дел нанес визит Бенешу. Судя по последним фотографиям, в этот день Масарик пребывал в хорошем настроении.

Назавтра Масарика должны были представить парламенту как министра нового правительства. Готвальд попросит проголосовать за вотум доверия этому правительству, придав видимость законности свершившемуся перевороту. Но на этом представлении, знаменующем триумф советизации страны, Масарика не будет. Лишь букет красных роз будет лежать на пустом месте правительственной скамьи между генералом Людвигом Свободой и премьером Готвальдом...

Ян Масарик почти до самого конца верил, что коммунистическое движение в его стране представляет собой нечто особое, что его можно примирить с идеей национальной свободы, которой Ян Масарик, как и его отец, был фанатично привержен...

Госсекретарь США Джон Фостер Даллес на Межамериканской конференции в Каракасе
8 марта 1954 года

ЕСЛИ РАЗВОРОШИТЬ ОСИНЕ ГНЕЗДО...

Что побудило меня написать «Открытое письмо Генеральному прокурору»? Главной и непосредственной причиной стал прозвучавший 10 марта 1968 года над могилой Яна Масарика вопрос: «Победит ли правда в нашей стране?» Именно этот

вопрос, а не то, кто возглавит компартию, был основным весной 1968 года.

Вторая существенная причина, заставившая бередить старые раны, носила скорее сугубо практический политический характер. Никто уже не сомневался, что Рудольфа Сланского и других жертв политических процессов 1952 года реабилитируют. Тем важнее было привлечь внимание к преследованиям некоммунистов. Ведь, когда речь шла о репрессированных коммунистах, террористические методы осуждались, но едва дело касалось так называемых «классовых врагов», и те же методы репрессий находили оправдание. Реабилитация Рудольфа Сланского была такой же ложью, как и суд над ним. Ныне ему предстояло стать героем — столь же незаслуженно, как он был осужден и казнен. Антонин Новотный назвал это «законом жерновов». Создав репрессивный механизм, Сланский сам сделался его жертвой, точно так же, как ленинские соратники и чины ГПУ — во время чисток тридцатых годов в СССР.

И наконец, у меня был личный повод написать письмо прокурору. Как и большинство моих сограждан, я был потрясен в 1948 году смертью Яна Масарика. Разумеется, до меня доходили всевозможные слухи относительно его кончины, но я не придавал им особого значения, считая сплетнями. Однако в 1955 году я вновь услышал о разгроме в спальне Масарика, царапинах от ногтей на оконной раме и тому подобном — на этот раз от близкого мне человека. Мой старший кузен полковник ВВС Адольф Петр-Бартош был человеком отчаянной храбрости. В конце войны фашисты приговорили его к смерти за участие в переброске на Запад чешских летчиков, а после войны коммунисты посадили в тюрьму за то, что он был спасен от смерти американцами. В самой гиблой военной тюрьме, в Мирове, он попал в одну камеру с людьми, присутствовавшими при осмотре спальни Яна Масарика 10 марта 1948 года.

Тогда, в 1955 году, я не поверил ему. Но вскоре, в феврале 1956 года, после разоблачения сталинских преступлений Хрущевым, от рассказа моего кузена было не так просто отмахнуться. Между тем я по-прежнему воздерживался от каких-либо суждений по поводу гибели Яна Масарика и жестоких пыток политзаключенных. Я не хотел верить. Чем страшнее правда, тем упорнее мы отказываемся верить ей. Лучший способ сохранить душевное спокойствие — ничего не знать.

МЕСТО ТРАГЕДИИ — ЧЕРНИНСКИЙ ДВОРЕЦ

Статья М. Ранда в «Шпигеле» буквально потрясла меня. В 1965 году в западногерманском журнале, тайком привезенном моей матерью из Австрии, повторялась та же версия гибели Яна Масарика, которую я десятью годами раньше слышал от своего кузена! И хотя в статье не приводилось неопровержимых улик, обвинения были столь вескими, что их нельзя было проигнорировать.

В своем письме Генеральному прокурору я повторил основные положения версий моего кузена и Ранда, подчеркнув, что не требую доказать убийство. Я не утверждаю этого и сегодня. Для того чтобы всесторонне разобраться в трагедии Масарика, недостаточно знать, добровольно ли он выбросился из окна в 1948 году. Необходимо разобраться в причинах, которые привели к краху чехословацкой независимости и национального самосознания и в конечном счете — демократического социализма», провозглашенного реформаторами из компартии двумя десятилетиями позже.

Письмо было адресовано Генеральному прокурору, университетскому профессору Яну Бартушке, и опубликовано в газете Карлова университета «Студент» 3 апреля 1968 года. Я уже имел удовольствие познакомиться с профессором тремя годами раньше, когда он ретиво изыскивал повод упрекать меня за решетку.

Эффект публикации моего письма в открытой прессе был подобен взрыву бомбы. Поначалу люди отказывались верить своим глазам. Весь тираж «Студента» разошелся моментально — за номер стоимостью одна крона переплачивали стократно. Это было неожиданностью и для меня самого, ибо я не стремился к сенсации, письмо было рассчитано на небольшую группу студентов философского факультета университета. Но сам факт появления такого материала в газете недвусмысленно свидетельствовал, что цензура уже бессильна и подобные публикации могут появляться и в дальнейшем. Письмо вызвало лавину интереса и всплеск журналистской активности — оно знаменовало начало почти неограниченной свободы печати.

К моменту публикации письма должность Генерального прокурора уже занимал Франтишек Забранский. В тот же день газеты сообщили: прокуратура начала новое расследование и в ближайшее время выступит с официальным заявлением. Пятого апреля 1968 года «Руде право» опубликовала интервью с начальником следственного отдела прокуратуры доктором Иржи Котляржом, заявившим, что он занят сбором достоверной информации, что часть материалов дела оказалась неточной.

Я в свою очередь дал интервью газете «Праге», подчеркнув, что меня интересует лишь правда, что я намерен изучить все относящиеся к делу документы и что был бы даже рад, если бы в итоге бесспорно подтвердилась версия самоубийства Масарика. В то же время я подчеркнул, что если это было убийство, то, скорее всего, оно было совершено без ведома Клемента Готвальда, ибо тот был заинтересован сохранить Яна Масарика в своем правительстве. И наконец, я вновь призвал к открытой публикации всех документов и свидетельств, чего, увы, не произошло ни тогда, ни после...

Я получил сотни писем. Люди, боявшиеся говорить об этом двадцать лет, описывали подробности смерти Яна Масарика. Попутно пришлось смириться с тем, что мое расследование было сопряжено с риском. Когда получаешь по несколько анонимных писем в день, где обещают убить тебя, застрелить, повесить, невольно начинаешь нервничать. Еще более зловеще звучали угрозы по телефону, регулярно раздававшиеся в полночь. Самым неприятным переживанием стала ночь на 15 апре-

ля, когда зазвонил телефон и низкий мужской голос сообщил: «У нас есть отличные яды. Ты сдохнешь, а полиции будет невдомек — отчего. Вспомни Ольгу Шейнпфлюгову...»

Это случилось вскоре после того, как один из главных свидетелей по делу о смерти Яна Масарика, бывший сотрудник МИДа Павел Страка, дал свои знаменитые показания. В трагическую ночь с 9 на 10 марта 1948 года он работал в здании министерства. Внезапно кто-то запер дверь его кабинета снаружи и отключил телефоны. Около полуночи он слышал звуки подъезжавших и отъезжавших машин. А утром тело Масарика было найдено во дворе министерства. Ольга Шейнпфлюгова подтвердила его показания... и умерла неделей позже. Серия очень странных самоубийств в те дни нагнетала атмосферу страха.

Я знал, что агенты секретных служб используют подобные методы. Во всяком случае, самоубийства Почепички, Бржестанского, Янко и других выглядели подозрительно. Но столкнуться самому с подобной угрозой для меня было внове. Не скрою, что я по-настоящему испугался. После ночного звонка я впервые решил запереть дверь своей комнаты, но замок заржавел и закрыться изнутри было попросту невозможно. Следующие три ночи я провел у друзей.

Однажды раздался звонок моего знакомого. Он явно нервничал и все повторял: «Они убьют нас всех, они убьют нас всех, они убьют нас всех...» До сих пор не знаю, что с ним тогда случилось. Тяжело было слышать советы близких друзей, умудренных опытом, которые говорили, что с моей стороны просто глупо сомневаться в эффективности методов секретных служб. Я и не сомневаюсь в этом до сих пор.

В те дни у меня было много посетителей. Большую часть услышанного от них я впоследствии опубликовал, но некоторые важные свидетельства так и не появились в печати:

1. Х.Х., бывший социал-демократ, рассказал мне 7 апреля 1968 года следующее. Он часто играл в шахматы с братом Рудольфа Сланского, Ричардом, и во время игры они обычно спорили о политике. Однажды разговор зашел о том, будто бы Ян Масарик хочет вступить в социал-демократическую партию. Ричард Сланский категорически воскликнул: «Никогда!» Такая реакция показала Х.Х. странной, и он вновь завел разговор об этом в день смерти Масарика. Тогда Ричард рассказал ему, что его брат Рудольф, второй человек в чешской компартии, был разбужен телефонным звонком в полтретьего ночи, помчался в Чернин и, прибыв туда, якобы увидел тело мертвого Яна Масарика. Правда ли это, можно было проверить у оставшихся в живых членов семьи Сланского.

2. Х.У., политзаключенный в 1949—1954 годах, рассказывал мне: «В бывшей военной тюрьме близ Опавы я попал в одну камеру с Яном Пешком, а затем лежал с ним в тюремном госпитале. Пешек был сотрудником пражского криминологического центра и отбывал свой срок в 1950—1952 годах. Он признался мне, что входил в следственную группу, занимавшуюся смертью Яна Масарика. Прибыв 10 марта в Чернинский дворец, он заметил группу людей, которые злобно посмотрели на приехавших и вскоре куда-то скрылись. В спальне Масарика пепельницы были полны окурков, на оконной раме явно виднелись царапины, словно кто-то отчаянно защищался, на подоконнике он заметил следы экскрементов. Пешек стало ясно, что здесь было совершено убийство».

3. Z.Z. сообщил мне, что надолго попал за решетку и даже был подвергнут пыткам лишь за то, что видел, как несколько мужчин убежали из Чернинского дворца ночью 10 марта 1948 года. Z.Z. был изрядно запуган и угваривал меня не лезть в это дело. Несколько

раз он невнятно намекал на какую-то стычку в аэропорту. Возможно, там был Валериан Зорин, посол СССР и резидент Берии в Восточной Европе, который сорвал попытку бегства Яна Масарика за границу на самолете.

4. Некто неизвестный писал: «Вы занимаетесь смертью Яна Масарика. Даю вам ниточку: спросите Руду Барака, и, быть может, он расскажет вам о Черном, агенте STB (тайная полиция госбезопасности), который многое знает об этом деле. Черный знает тех, кто это сделал, а может быть, даже один из них. По крайней мере, он хватался этим много лет назад и говорил все в точности, как вы написали в своей статье».

5. Аноним из Погоржелец, района Праги, прилегающего к Граду, утверждал, что жил в 1948 году возле Чернинского дворца. Он слышал голоса четырех людей, прошедших во дворец после полуночи. Телефоны в ту ночь были отключены, а наутро из дворца вынесли гроб.

6. М.М., писатель, рассказал мне, что один из его друзей возвращался домой поздно ночью с 9 на 10 марта 1948 года из окрестностей аэропорта Ружине. По дороге он встретил человека, который сказал ему, что Ян Масарик мертв — его забили до смерти в Ружине. Наутро по радио передали о самоубийстве.

7. Шестого апреля 1968 года у меня состоялся телефонный разговор с сотрудницей полицейской лаборатории, которая сообщила мне свое имя и сказала, что работала с доктором Теплым, производившим вскрытие тела Яна Масарика. После этого доктор Теплый выглядел очень подавленным, а 4 января 1949 года покончил с собой, причем официальная версия — из-за семейных неурядиц — была заведомой ложью. Сотрудник госбезопасности, приходивший на их службу после смерти доктора Теплого, заявил, что тот слишком много знал и поэтому должен был умереть.

8. Шестого апреля 1969 года неизвестная пожилая женщина, позвонившая по телефону, утверждала, будто знает, кто спланировал убийство Яна Масарика, и обещала сообщить мне подробности при личной встрече в следующий понедельник. Если это была Ольга Шейнпфлюгова, то она не дожидаясь назначения дня.

9. Восьмого апреля 1968 года неизвестный сообщил мне, что знает шофера, который вез Яна Масарика обратно в Чернин после визита к президенту Бенешу. В ходе разговора неизвестный не раз намекал, что шофер либо его мать до сих пор были живы, он якобы встречал их, и они готовы подтвердить его слова. Звонивший туманно намекал на причастность к делу повара Масарика с еврейской фамилией, которого он недавно встречал и который тоже согласен с его версией убийства. У меня не было возможности проверить услышанное — это входило в обязанности Генерального прокурора.

Во вторник, 16 апреля 1968 года, «Руде право» опубликовала статью Иржи Гохмана, где говорилось о зловещей роли банды Берии в расправах над видными деятелями чехословацкой компартии в 1949—1952 годах. Хотя автор, в сущности, поддерживал версию самоубийства Яна Масарика, он не исключал, что убийцы из ведомства Берии могли приложить руку к гибели чешского министра иностранных дел. Гохман считал, что убийство трудно объяснить с разумных позиций. Автор шел по тонкому льду: ничтоже сумняшеся он повторял очевидную ложь партийной идеологии, ссылаясь в поддержку версии самоубийства на ЦРУ и авторитетного американского журналиста Уолтера Липпмана — короче, статья ничем не была бы примечательна, если бы не появилась в центральном органе чехословацкой компартии и если бы автор не просил в заключение советских друзей помочь разобраться в преступлениях, совершенных кликой Берии.

Естественно, такие обвинения, появившиеся на страницах чешских газет, не могли обрадовать председателя КГБ Александра Шелепина — главы ведомства, которое несло ответственность за эти преступления. И 14 мая 1968 года газета «Советская Россия» провела целенаправленную атаку на Томаша Масарика. Советская пресса обвинила его в финансировании покушения на Ленина. Таким образом, Ян Масарик превращался из сына основателя чехословацкого государства в сына террориста, врага социализма и приспешника буржуазии. Советские нападки были настолько демагогическими, что это не могло быть простой случайностью. Вместо того чтобы достаточно легко отыграться, признав некоторые ошибки сталинизма и заклеймив секретную службу Чехословакии в преступлениях, советская пропаганда после первой истерической реакции начала обвинять чешских журналистов в разжигании антисоветских настроений.

Далее ситуация вокруг смерти Яна Масарика вступила во вторую фазу развития, которая и продолжалась вплоть до августа 1968 года. Эта фаза характеризовалась тем, что прокуратура предпочла весьма сомнительную версию, предложенную бывшим сотрудником Яна Масарика Любомиром Соукопом. Он считал, что Масарик покончил с собой в знак протеста, что имело место не физическое, а моральное убийство.

Эту версию с небольшими дополнениями поддерживали другие сотрудники министерства иностранных дел. Прокурор Иржи Котлярж ездил в мае 1968 года в Англию для личной беседы с доктором Соукопом. Было похоже, что формула «Физическое убийство? — Нет. Духовное убийство? — Да!» ляжет в основу компромиссного решения. Тем не менее после советской оккупации даже такой вывод показался чересчур смелым, и «расследование» закончилось в декабре 1969 года заключением о том, что произошел несчастный случай. Якобы при бессоннице Масарик любил сидеть по-турецки на подоконнике.

Любопытна и другая официальная версия, выдвинутая десятью годами раньше Индржихом Веселым, представителем «твердолобых» в партийной элите. Он считал, что Яна Масарика хотели похитить английские командос. Весьма интересное мнение, особенно если учесть, что оно исходит от одного из руководителей ТВ, который знал многое.

...Когда-нибудь исчезнут все субъективные и объективные, личные и государственные причины, которые удерживали людей поделить правдой о гибели Яна Масарика, и увидят свет новые документы и свидетельства. Где же предстоит искать следы, ведущие к разгадке давнего преступления?

Во-первых, в архивах хранятся еще необнародованные документы и рапорты секретных служб и разведок. Если Масарик действительно собирался бежать за границу, то почти наверняка обратился бы за помощью к британской разведке и своему близкому другу Брюсу Локкарту. Но мы знаем, что в то время на высокие посты в британской секретной службе проникли советские агенты Ким Филби, Гай Берджесс и Доналд Маклин, так что любая запланированная акция по спасению Масарика стала бы незамедлительно известна Советам.

И наконец, до сих пор остаются без ответа вопросы: посещал ли Масарика Рудольф Сланский в ту роковую ночь? Что произошло на самом деле во дворце Чернин? Убегал ли кто-то из дворца ночью? Был ли Масарик в аэропорту Ружине в ту ночь? Был ли аэропорт блокирован милицией? Не исчезли ли какие-либо документы из кабинета министра? Какие именно? Привезенные им от Бенеша? Собирался ли Масарик бежать? Почему совпадают почти дословно показания его секретарей о самоубийстве шефа?

Ключ к тайне гибели Масарика — не последние секунды его жизни, а то, с чем он столкнулся лицом к лицу перед своей смертью.

Перевод с английского
Михаила АЛЕКСАНДРОВА

“...Аноним из Погоржелец, района Праги, прилегающего к Граду, утверждал, что жил в 1948 году возле Чернинского дворца. Он слышал голоса четырех людей, прошедших во дворец после полуночи. Телефоны в ту ночь были отключены, а наутро из дворца вынесли гроб

Как разбогател клан Чаушеску

КРАХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В БОЛЬШИНСТВЕ СТРАН СОВЕТСКОГО БЛОКА ПРИВЕЛ К РАСКРЫТИЮ МНОЖЕСТВА ГЯЗНЫХ СЕКРЕТОВ, ХРАНИВШИХСЯ РАНЕЕ ПУЩЕ ЗЕНИЦЫ ОКА.

Виктор ОБРАЗЦОВ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Было, например, документально подтверждено, что чехословацкая пластиковая взрывчатка «Семтекс» в больших количествах поставлялась в страны, прямо поддерживающие откровенно террористические организации типа руководимого Абу-Нидалем «Фатха». Один лишь Каддафи закупил более тонны этого зловещего «пластика», который послужил средством уничтожения американского авиалайнера над Шотландией.

Польша, ГДР, Румыния и Болгария тоже не отставали: каждая из этих стран в меру возможностей торговала собственным и советским оружием, преследуя при этом две цели: подрыв демократического содружества и собственное обогащение. Москва закрывала глаза на эти сделки, ибо в большинстве случаев речь шла об устаревших видах и системах, а интересы безопасности СССР серьезно не страдали.

В первых числах мая обстоятельно изучивший предмет американский обозреватель Бенджамин Уайзер рассказал на страницах газеты «Вашингтон пост» о нескольких неожиданном аспекте восточноевропейского оружейного бизнеса. Оказывается, советское оружие продавалось не только в страны «третьего мира», но и чуть ли не напрямую в Соединенные Штаты.

В течение десяти лет, предшествовавших падению режима Чаушеску, США закупили только в Румынии советскую боевую технику и стрелковое оружие на сумму, превышающую 40 миллионов долларов. Пятая часть этих денег поступила на счета клана Чаушеску в швейцарских банках, а остальные были проведены по официальным каналам — через румынскую внешнеторговую организацию «Ромтехника».

Операция была разработана уже в начале 80-х годов, и поначалу причастные к ней американцы полагали, что имеют дело в странах Восточной Европы с противниками коммунистических режимов. Постепенно эти иллюзии развеялись: в США с удивлением обнаружили, что их торговыми партнерами движет лишь элементарная корысть.

Американцы, впрочем, проявляли максимум осторожности. Все сделки заключались через посредников, ни один из которых не был гражданином США. Американские законы к тому же запрещают гражданам США выплачивать иностранцам комиссионные за заключение нелегальных сделок.

Румыния продавала устаревшее советское оружие на Запад еще в 70-е годы. Чаушеску тогда избавлялся от списанных образцов и не считал нужным ставить об этом в известность Москву. Впервые сведения о таком экспорте просочились на страницы печати в июле 1979 года. Марин Чаушеску, старший брат казненного диктатора, возглавлявший румынскую торговую миссию в Вене, через посредников договорился с американцами о продаже партии боевой техники, включавшей четыре советских бронетранспортера. Эта техника была погружена в черноморском порту Констанца на борт югославского судна «Клек».

По прибытии «Клека» в нью-джерсийский порт Эрл журналисты сообщили о «таинственном судне с загадочным грузом». Пентагон тогда выступил с кратким заявлением, подтверждающим доставку «различного военного снаряжения» из стран Восточной Европы. В заявлении подчеркивалось, что речь идет о совершенно незначительной партии устаревшего оборудования.

Груз «Клека» действительно не представлял никакой ценности для вооруженных сил и разведки Соединенных Штатов, однако легкость, с какой

МАРКА С ПОРТРЕТОМ НИКОЛАЕ ЧАУШЕСКУ

удалось купить оружие в социалистической стране, натолкнула какой-то светлый ум на мысль попытаться приобрести таким же образом современное оружие. Машина, как говорится, завертелась, и за последующие десять лет было закуплено в Восточной Европе боевой техники на сумму, превышающую 250 миллионов долларов.

Самой авантюрой — хотя и безуспешной — историей во всей этой эпопее можно считать попытку американцев купить советский танк Т-72. В начале 80-х годов в США подходила к концу разработка танка М-1, которому в случае столкновения в центре Европы пришлось бы противостоять советскому Т-72. Американцев интересовало все: толщина брони, конструкция системы лазерной наводки и главное, возможности 120-миллиметровой пушки советского танка. Косвенных данных было явно недостаточно — Пентагону требовался образец этой боевой машины.

Посредники вступили в контакт с Марином, уверив последнего, что Вашингтон не намерен скупиться и заплатит любые деньги. Чтобы сделка выглядела еще более соблазнительной, американцы согласились купить заодно несколько ненужных им устаревших танков и другое оружие, годное разве что в утиль.

Марин связался с Илие (И. Чаушеску занимал пост заместителя министра обороны и начальника главного политического управления румынской армии.— Ред.), и, как это не раз уже бывало в прошлом, жадность возобладавала над осторожностью.

Поставляя союзникам танки Т-72, Советский Союз требовал строжайшего отчета за каждую машину, и в случае раскрытия операции Николае Чаушеску вполне мог забыть о родственных чувствах и по-коммунистически расправиться с братьями, сделав их козлами отпущения.

Помимо чисто коммерческих условий Марин и Илие потребовали у американцев гарантий свободного въезда в США (в случае неудачи) и немедленного предоставления им там политического убежища.

Это им было твердо обещано. К весне 1981 года все было готово: Марин ожидал известий в Вене, а Илие под каким-то предлогом отправился в Нью-Йорк в составе румынской делегации в ООН.

Все сорвалось в последнюю минуту. Румынские военные зарегистрировали приближение к порту Констанца группы советских подводных лодок, принимавших участие в учениях намного восточнее. Илие и Марин затрубили отбой. Сделка не состоялась.

Братьев Чаушеску постигла незавидная судьба. После свержения режима Марин повесился в венской гостинице, а Илие оказался в бухарестской тюрьме.

Не существует никаких доказательств того, что сам Николае Чаушеску санкционировал продажу оружия американцам, однако многие американские наблюдатели склонны считать, что сделки такого рода и в таких масштабах были бы невозможны без согласия или молчаливого одобрения президента.

Марин и Илие также предпочитали не затрагивать эту щекотливую тему, а в публичных выступлениях не раз говорили, что не продадут идеалы социализма за долларовую чечевичную похлебку.

Осенью 1989 года, комментируя начавшуюся в других соцстранах демократическую революцию, Илие Чаушеску заявил: «Некоторые товарищи в социалистических странах оказались явно не на высоте в эти кризисные времена. Они не в состоянии противостоять трудностям. Мы же хорошо знаем, что в мире существуют только две общественно-экономические формации: капитализм и социализм. Есть две системы, а третья — невозможна. Мы не продадим наши души и нашу идеологию за пачку долларов...»

Продавали, и еще как продавали!

НИКОЛАЕ ЧАУШЕСКУ ПОЛУЧАЕТ ПРЕЗИДЕНТСКИЙ СКИПЕТР ИЗ РУК ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЕЛИКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ ШТЕФАНА ВОЙТЕКА (1974)

Тайна маршала Тито

После Второй мировой войны, которую выиграл Советский Союз, к власти в Югославии прорвался хорват коммунист-партизан Иосип Броз Тито. Он предал Советский Союз, сломав одну из основных опор, на которых держался Варшавский Договор, весьма серьезно противостоявший Североатлантическому пакту. Вспомним историю.

Леонид КОЛОСОВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Леонид КОЛОСОВ — журналист-международник, член Союза писателей России, автор многих книг, киносценариев и пьес, офицер Внешней разведки КГБ СССР.

В позапрошлом веке российский император Александр II два года воевал с турками за свободу южных славян. Обретшая независимость Сербия стала верной союзницей Австро-Венгрии — злейшего врага России. В августе 1914 года после выстрела студента-масона Гаврилы Принципа, который ухлопал в Сараеве эрцгерцога Фердинанда, Австрия и Германия объявили войну Сербии. Началась Первая мировая война. Для России она закончилась плачевно. А Сербия вошла в число стран-победительниц и даже присоединила к себе земли расколовшейся Австро-Венгрии. После этого о сербско-русской дружбе не вспоминали ни с одной, ни с другой стороны очень долго.

Я много раз бывал в «спецкомандировках» практически во всех крупных европейских государствах. И смею утверждать, что одним из злейших наших врагов является мировое масонство. Я по своей оперативной работе имел тесные контакты с итальянскими масонами и даже был знаком с магистром ложи «Пропаганда-2» («П-2») Личо Джелли. У меня в руках оказались материалы о югославских масонах и о «магистре» Иосипе Броз Тито. А начну я издадека, чтобы все было понятно.

КОСОВСКАЯ МИНА

В моем архиве сохранился югославский журнал «Данас» от 30 августа 1988 года. «Гвоздь» номера — статья «Обвинения Тито». В ней говорится о том, что группа ученых и писателей, известная под названием «Комитет в защиту мыслей и высказываний», направила в Скупщину и Президиум СФРЮ предложение критически пересмотреть роль Тито в целях установления исторической правды и поиска выхода из тяжелого и всеобъемлющего кризиса югославского общества. В вину бывшему президенту СФРЮ вменялось обострение националистической розни в

ИОСИП БРОЗ ТИТО В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ПЕЧАТЬ И РИТУАЛЬНЫЙ ТОПОРИК МАСОНОВ

Косове, ставившей под угрозу целостность Югославии. «Деклассированный курс десталинизации», — писал «Данас», — не привел к созданию жизнеспособного и цивилизованного общества даже по прошествии четырех десятилетий. Югославская альтернатива «реальному социализму» привела к печальному исходу...»

Далее Тито обвинялся в жесточайших репрессиях против «информбюровцев» и просто людей, которые были дружелюбно настроены к Советскому Союзу. «Остров Голи-Оток, — я цитирую статью, — был одним из самых мрачных и бесчеловечных лагерей на территории современной Европы, скопировав нацистские лагеря смерти, где применялись физические и психические пытки...» Авторы задают и самый главный вопрос: какой личный вклад в эту вакханалию внес сам Иосип Броз Тито, политическая линия которого «изолировала страну от естественного экономического, политического и культурно-исторического окружения, удалив ее от Европы, что стоило немалых денег. Кстати, никто не обладает данными о действительных расходах властвования Тито, о расходах и богатстве людей, занимавших ответственные посты в обществе».

Работая в Югославии и разъезжая по стране с гостями, показывая им мемориал маршала Тито, его многочисленные зимние и летние резиденции, превращенные

в музеи, я всегда внутренне возмущался той роскошью, в которой жил коммунист, поклонявшийся Ленину.

Далее. Газета «Политика экспресс» от 15 января 1989 года поместила весьма любопытное сообщение о том, что Югославия в качестве безвозмездной помощи получила от США с 1949 по 1964 год (годы борьбы Тито со Сталиным) 30 миллиардов долларов. Куда исчезли эти деньги? Югославский профессор Петранович, с которым я был знаком, откровенно сказал, что этого никто не знает. И никто об этом не сказал до сих пор.

ЗАГОВОР ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Долгое время я пытался выяснить истинные причины разлада между Сталиным и его верным учеником, другом и последователем Тито. Почему он так резко и так неожиданно ушел от Советского Союза на Запад?

И мне повезло. Однажды я встретил человека из самого близкого окружения Иосипа Броз Тито начиная еще с партизанских времен. Его уже нет в живых, но имени его я не назову. Дружба наша развивалась медленно, мы словно принимали друг к другу. И наконец, он мне поверил. И рассказал такое и показал копии таких документов, что волосы зашевелились. «Надо, чтобы об этом

узнали люди», — сказал он, но взял с меня слово, что я расскажу все только после его смерти.

Так в моем архиве оказались закрытые материалы Главной прокуратуры Народной Республики Болгарии от октября 1949 года по обвинению бывшего заместителя председателя СМ и секретаря ЦК БКП Трайчо Костова и его группы в организации противогосударственного заговора, в предательстве, шпионаже и измене родине. Привожу отрывки из документов следствия, имеющие прямое отношение к Югославии и самому Иосипу Броз Тито.

«Следствие установило, что английская и американская разведывательные службы, представляя особые стратегические, политические и экономические интересы своих стран на Балканах, уже во время Второй мировой войны активизировали свою агентуру в Болгарии и Югославии... Вынужденные считаться с неизбежным поражением гитлеровской Германии, а также с возможностью установления народной власти в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, английская и американская шпионские службы засылали своих эмиссаров и агентов в некоторые коммунистические партии, находящиеся еще в подполье, учитывая, что они в будущем могут стать правящими партиями...

Таким образом, когда 9 сентября 1944 года в Болгарии к власти пришел Отечественный фронт во главе с коммунистической партией, в ее рядах на некоторых руководящих постах оказались агенты, завербованные английской и американской спецслужбами. Эта агентура в Болгарии быстро нашла общий язык со своими коллегами в Югославии в лице Тито, Карделя, Джиласа и Ранковича, оказавшимися на руководящих постах...

Обвиняемый Костов заявил во время допроса, что английский резидент полковник Бейли, с которым он был связан, сказал, что еще во время войны с согласия американцев было достигнуто соглашение между Тито и Черчиллем в отношении политики, которую Югославия будет вести после войны. Тито принял обязательство держать Югославию в стороне от СССР и его друзей, а также вести политику сообразно с особыми политическими и стратегическими интересами англо-американского блока на Балканах. Взамен этого Тито регулярно получал щедрую финансовую поддержку англичан и американцев во время войны и имел твердые гарантии на то, что «помощь» будет оказана и в будущем...

Костов признался далее, что Тито изложил ему план, по которому он будет действовать по согласованию с англичанами и американцами. А этот план предусматривает рост антисоветских сил не только в Югославии и Болгарии, но и во всех других странах народной демократии, чтобы добиться их присоединения к Западному блоку. Тито с апломбом заявил, что в странах Восточной и Юго-Восточной Европы он лично пользуется большим авторитетом и что, опираясь на этот свой авторитет и престиж новой Югославии, можно будет осуществить в странах Восточной и Юго-Восточной Европы политику отрыва от СССР и сближения с США и Англией.

Таким образом, в результате переговоров с Тито в ноябре 1947 года было достигнуто тайное соглашение о том, что противогосударственный заговор в Болгарии получит поддержку вооруженных сил Югославии...»

В том же 1947 году Черчилль во время личной встречи торжественно объявил своему новому «другу», что тот принят в члены мирового масонства и уже назначен магистром одной из лож. Назначение было подкреплено чеком в несколько миллиардов долларов на личные расходы вождя югославских народов. Точная цифра — секрет масонской бухгалтерии...

О масонах я впервые узнал в Италии, получив весьма подробные материалы от Ромула, одного из завербованных мною агентов. Наша изначальная дружба завязалась на профессиональной основе. Он журналист, и я «журналист». Я надоедал Ромулу просьбами написать материал о внутренней политике Италии, и однажды он мне сказал просто и открыто: «Я напишу о том, чего вы не знаете и что угрожает моей стране. Это не газетная статья, а материал для твоей секретной службы. Я знаю, чем рискую: вы люди суровые. Но мне нужны деньги...»

ПОД КРЫШЕЙ «П-2»

И мой агент снабдил меня сногшибательной информацией, которой заинтересовался в конце концов и Центр. «Масонство не умерло, — писал Ромул. — Наиболее активно оно продолжает развиваться в Соединенных Штатах. И не случайно. В политической жизни этой страны огромную роль играют лобби, то есть «группы давления». И масонские ложи с их организационной структурой — кастовой замкнутостью и строгой конспирацией — очень удобная форма защиты интересов крупного капитала путем создания теневых правительств, то есть мощных групп, действующих из-за кулис. Масонами в Америке были многие президенты, начиная с Вашингтона и кончая Трумэном. Впрочем, нет, не кончая: в масонах ходил президент Форд, были слухи, что к ним примыкали Кеннеди и Картер, не говоря уже о государственных и политических деятелях более мелкого калибра. Крупнейшие промышленные и финансовые американские тузы имеют близких друзей в ложах, настойчиво проводящих идею «всемирного братства масонов». Она удобна, ибо дает возможность использовать ложи различных стран для оказания нужного Америке влияния на их правительства, политические партии и отдельных деятелей».

Наиболее перспективным американским агентом в Италии оказался Личо Джелли — глава тайной масонской ложи «Пропаганда-2», или сокращенно «П-2», который, по данным Ромула, развил бурную деятельность на Апеннинах, где на начало шестидесятых годов насчитывалось несколько сотен мелких масонских организаций, вызывающих снисходительные улыбки скандальной прессы своей немощью. Но Личо Джелли растолкал локтями их всех, заняв главенствующее место. Он рвался к деньгам и власти. Вернее, в основном к власти, ибо капитал у него уже был. И вот тогда-то на горизонте появилась масонская ложа «Пропаганда-2», отпочковавшаяся от старейшей и в свое время могущественнейшей в Италии ложи «Великий Восток». Личо Джелли стал ее членом, а потом и магистром. Только в деле мы его засечь не могли. Помог случай...

Ранней весной 1964 года один из старейших боссов сицилийской мафии Никола Джентиле раскрыл мне тайные пружины готовящегося на Апеннинах государственного переворота. «Дед» — так значился старый мафиози среди моих доверительных связей — люто ненавидел американцев и итальянское правитель-

ство, мешавших ему в наркобизнесе и сорвавших несколько многомиллионных долларовых сделок на давно протоптанной наркотропе Палермо — Нью-Йорк. В заговоре, который предполагал возвращение к фашистскому режиму и который инициировали ребята из ЦРУ, были задействованы тогдашний президент Антонио Сеньи (внезапно скончавшийся после скандального провала государственного переворота), де Лоренцо — генерал разведки и контрразведки, а затем начальник генерального штаба сухопутных войск Италии, многие высшие военные чины, банкиры, промышленники и чернорубашечники. Мелькнуло среди активных участников заговора и имя Джелли. Скажу без лишней скромности, что часть разоблачительных документов не реализованного тогда «Плана Соло» итальянские журналисты получили от советской внешней разведки через римскую резидентуру.

После колоссального скандала некоторые военные чины, причастные к «Плану Соло», или застрелились, или погибли в автомобильных катастрофах при невыясненных обстоятельствах. Генерала де Лоренцо спасла от тюрьмы парламентская неприкосновенность, ибо он был срочно избран членом парламента от неонацистской партии... Был составлен совершенно секретный доклад о происшедших событиях, из которого сразу же по приказу министра обороны были сделаны 72 исключения. Только три человека в Италии, кроме министра обороны, читали полный текст доклада: генерал Чильери, прокурор Витторио Оккорсио и председатель христианско-демократической партии (занимавший тогда пост премьер-министра) Альдо Моро. Чильери погиб в подстроенной автомобильной катастрофе в 1970 году. Оккорсио был убит неонацистами в 1976 году. Моро похитили и расстреляли террористы из «красных бригад» в 1978 году. Они, как выяснилось потом, целиком находились на содержании масонской ложи «П-2». А Личо Джелли вместе с «братьями» из ЦРУ начал готовить новый переворот в Италии...

Об опасности масонства предупреждал Георгий Димитров, занимавший пост Генерального секретаря Коминтерна с 1935 по 1943 год. Именно в 1943 году он писал: «Часто общество удивляется, что известные общественные деятели быстро и

совершенно необоснованно меняют свои позиции... или говорят одно, а делают совершенно другое, противоположное. Если наблюдать подобное явление на поверхности, то оно представляется нелогичным и совершенно непонятным. Однако когда известно, что они действуют как члены различных лож, то вопрос становится достаточно ясным. Данные деятельности получают указания и директивы от соответствующей ложи и подчиняются дисциплине, в ней существующей, вразрез с интересами народа и страны...»

Магистр-коммунист Тито, по сведениям Ромула, активно выполнял указания американской ложи. Открываем запрещенную у нас когда-то книгу чиновника государственного департамента США Джона Кэмпбелла «Особый путь Тито»: «28 июня 1948 года было днем, когда Сталин с помощью Коминформбюро изгнал «клику Тито» из рядов советского лагеря и мирового коммунистического движения... Следует отметить большую заслугу американского посла в Югославии У. Кеннона, который почувствовал, что создавшаяся в тот период обстановка впервые открывала возможности для осуществления практических мер по достижению целей американской внешней политики, остававшихся до сих пор мечтой, — добиться ослабления, а затем и развала советского блока».

Тито не успел развалиться до конца советский блок. Он умер в мае 1980 года, недополнив масонские обязательства. И вот тут я подхожу к самой загадочной части моего рассказа. Мой тайный югославский друг доверительно сообщил, что в бетонном саркофаге мемориала (на котором, кстати, отсутствует традиционная звезда) — пусто. Мумии Тито там нет. По масонским обычаям покойный маршал был похоронен в горах в одной из маленьких церквушек. Где находится эта масонская церквушка, пока неизвестно...

ПРОДОЛЖЕНИЯ НЕ БУДЕТ...

В один из июльских дней 1981 года меня вызвал на Лубянку один генерал из Пятого главного управления КГБ (к сожалению, ныне покойный), который занимался борьбой с международным терроризмом и идеологическими диверсиями.

РЕДКАЯ ФОТОГРАФИЯ ТОВАРИЩА ТИТО

— Леонид, тут для тебя есть приятная новость... В Италии «завалился» твой старый приятель — масон Личо Джелли. Есть идея опубликовать несколько статей об этой организации. Сначала по итальянской «П-2», а потом вообще.

Материал опубликован в «Неделе» (1981. № 31) с подзаголовками: «Почему меняются правительства?», «Масоны — это не миф», «Ложа «П-2» на службе ЦРУ». Публикация наделала много шума и у нас в Союзе, и в Италии, и в других странах, где ее перепечатали без сокращений, но с комментариями...

А вот продолжения темы не последовало. Когда я со свежотпечатанными номерами «Недели» оказался вновь в кабинете моего генерала, он поблагодарил меня за работу, а потом, помолчав, сказал:

— Знаешь, больше о масонах писать не будем. Советовались тут со Старой площадью. Там говорят: шум подняли — хорошо. А теперь надо подождать. Посему постарайся забыть то, что прочитал у меня, помимо Джелли и твоей масонской «Пи-Пи». Хорошо?

— Постараюсь...

А забывать было жалко, ибо помимо удивительной истории с масонским членством Александра Сергеевича Пушкина, которое закончилось так трагически, просмотрел я еще кипу удивительных материалов.

Оказывается, в масонской иерархии были такие люди, как Бакунин, Троцкий, Бухарин, Рыков и другие «враги народа». Что вроде бы подбирались масоны к товарищам Урицкому и Красину. А расстрелянный император Николай II вообще был возведен в сан магистра ложи благодаря своей сиятельной немецких кровей супруге. Многие еще можно было бы рассказать и о Питлере, и о Муссолини, и о Франко, но...

Личо Джелли, исчезнувший в Латинской Америке, а потом вроде бы умерший или убитый в Швейцарии, чем-то напоминает мне Тито, тоже вроде бы сбежавшего из своего саркофага. Оба играли роль мировых провокаторов-масонов. Правда, ни тому, ни другому не удалось спровоцировать третьей мировой войны, чтобы установить на нашей голубой планете мировое господство США и «американский образ жизни».

И вот вновь еще одна попытка добить обескровленную Россию, и опять выплывает, как и в 1914 году, Югославия со своими проблемами. Вы никогда не задавали себе вопрос, почему так упорствует Слободан Милошевич в разрешении частного этнического конфликта своей страны? И кто он вообще? В биографии этого 57-летнего президента СРЮ масса необъяснимых парадоксов. Окончил юридический факультет Белградского университета и сразу же стал заниматься политической пропагандой. Не достигнув тридцати лет, стал руководителем крупнейшей компании «Техногаз», а затем президентом Белградского объединенного банка. Любопытно, что в течение трех лет руководил отделением этого банка в Соединенных Штатах. А после Америки занял место Председателя Президиума. Ближайшее окружение утверждает, что Милошевич не верит ни в какие идеалы, хотя до 1986 года вроде бы был верен заветам Коммунистического Интернационала и боролся с национализмом в любых его проявлениях. И вдруг из образцового коммуниста-интернационалиста превращается в ярого националиста. Теперь он сторонник Великой Сербии. Введя в Косово сорокатысячную армию, начал этническую чистку. И сразу же его враги стали его друзьями. Более того, на политической арене Югославии появился «Новый Тито». Так его называли некоторые югославские газеты. Новый Тито? Это уже страшно!

«Совершенно секретно-Украина. Спецвыпуск»
№8(149) от 21.08.2018
Учредитель и издатель:
ООО «Совершенно секретно-Украина»

04080, г. Киев, ул. Фрунзе, 104, этаж 6, к. 27
Генеральный директор Алексей ВЛАДИМИРОВ
Свидетельство о государственной
регистрации печатного СМИ
КВ № 18954-7744 ПР
выдано Гос. регистрационной службой
Украины 02.03.2012
Адрес редакции/издателя:
04073, г. Киев, Курневский переулок, 17Г

Телефон редакции: (044) 207-97-11
e-mail: sovsec@sovsec.kiev.ua
Цена свободная
Реклама: тел./факс: (044) 207-97-11
При подготовке номера использованы
материалы международного
ежемесячника «Совершенно секретно»
Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.
Украинская редакция переписку с читателями не ведет. Перепечатка только с разрешения «Совершенно секретно-Украина».
Редакция не несет ответственности за содержание рекламы. Во всех случаях типографского брака обращаться в типографию ООО

«Мега-Полиграф». Адрес: г. Киев, ул. М. Вовчка, 12/14.
Тел. (044) 451-86-70, (044) 581-68-15.
©«Совершенно секретно-Украина», 2018
Отпечатано в типографии
ООО «Мега-Полиграф».
г. Киев, ул. М. Вовчка, 12/14.
Тираж: 40000 экз. Заказ №64076

Таврическая губерния
№ 8/351
АВГУСТ 2018
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК/УКРАИНА
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
СТЕПАН БОРОВИК. ИЗДАЕТСЯ С 1989 ГОДА

СПОРТ НИКОГДА НЕ БЫЛ И НЕ БУДЕТ ВНЕ ПОЛИТИКИ

ГИБРИДНЫЙ СПОРТ

В ПРОДАЖЕ

Уже

Сбиты и забыты
Погибшие от своих

СВІДОЦТВО
про держреєстрацію
Серія КВ,
№ 18953-7743ПР
від 02.03.2012р.

СПЕЦВЫПУСК
«Секреты истории»

СЛУХАЙ, ЩОБ ЗНАТИ

ГОЛОС
СТОЛИЦІ

106^{FM}